

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**St.Petersburg Journal
of Oriental Studies**

**выпуск 4
volume 4**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1993

"Жизнь после смерти"
в сюжетной прозе старого Китая

И. А. Алимов

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

(Санкт-Петербург)

1

В традиционной культуре любого народа не последнее место занимают представления о волшебном, сверхъестественном, оказывая глубочайшее влияние на культуру в целом и отражаясь в самых различных ее аспектах. Едва ли не самыми важными здесь оказываются представления о духовной субстанции человека (душе), о том, что происходит с душой после смерти, наконец, о загробном мире, куда она попадает. Существенной проблемой, возникающей при обращении к китайским материалам такого рода, является проблема реконструкции и отделения собственно китайских (добуддийских) представлений о загробном мире от тех воззрений, которые сформировались после (и в результате) проникновения и распространения в Китае буддизма. Сейчас, конечно, трудно с большой долей достоверности описать эти различия, но, в любом случае, такая возможность кажется для исследователя соблазнительной.

Данные археологических раскопок, обстоятельства и способы захоронения со всей очевидностью свидетельствуют о том, что уже в неолитическом Китае существовал достаточно развитый культ мертвых. Ко времени правления династий Шан и Инь (XVI-XI вв. до н. э.) относятся пышные захоронения; культ предков к этому времени, по выражению Л. С. Васильева, становится "самым важным и практически заменяет собой столь характерных для других развитых земледельческих народов великих богов"¹. Уже в это время китайцы ста-

¹ Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970, с. 44. Подробнее обзор археологических изысканий в Китае см. также: Кучера С. Китайская археология 1965-1974 гг.: палеолит — эпоха Инь. М., 1977; Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.

ли переносить сословную иерархию мира людей в мир умерших, что, опять-таки, нашло отражение в способах захоронения и погребальных церемониях².

В доциньское время (до III в. до н. э.) в Китае уже были широко распространены отчетливые представления о смерти, как о результате отделения души от тела, и о душе, как о некой субстанции, продолжающей существование после физической смерти тела и состоящей из двух главных, принципиально отличных частей — духовной *хунь* 魂 и телесной *по* 魄 (упрощая проблему, можно сказать, что душа *хунь* считалась порождением светлого начала *ян* и являлась духовным основанием в человеке, от нее зависело сознание и умственная деятельность, в то время как душа *по*, порождение темного начала *инь*, в большей степени "отвечала" за физическую форму человека, за состояние его тела). После смерти человека душа *хунь* возносилась на небо, а душа *по* — отправлялась в землю: "Эфир *хунь* (魂氣) возвращается на небо, а *по* (в виде тени 形) возвращается в землю"³. Извест-

² Так, Л. С. Васильев обращает внимание на то, что уже в чжоуское время были установлены строгие соответствия между прижизненным положением власти имущего и количеством храмов, сооружаемых в его честь после смерти (Указ. соч., с. 45).

Социальные различия нашли отражение в языке. Так, при Западной Чжоу (1066?-771 гг. до н. э.) уже существовали различные термины для обозначения смерти представителей разных социальных слоев — 崩 для членов правящей фамилии; 薨 для владетельных князей *чжухоу*, наложниц ранга *гуйфэй* и сановников; 卒 для *дафу*; 不禄 для сословия *ши* и только в отношении простых людей — 死 (см.: Гун Янь-мин. Гудай сыдэ бемин (Иные наименования смерти в древности). — "Вэньши чжиши". 1984, N 4).

³ Цит. по: Тай-пин юй лань (Императорское обозрение годов Тай-пин). Пекин, 1963, т. 4, с. 3921. Подборку из древних текстов, посвященную душам и смерти, см. также в кн.: Чжунго сысян баоку (Сокровищница китайской мысли). Пекин, 1990, с. 71-92. Позволю себе также привести уместную здесь цитату из памятника "Бай ху тун" ("Диспут в Зале Белого Тигра", I в. н. э.): "Что такое *хунь* и *по*? *Хунь* — "душа", связана с представлением как бы о свободном, несценном парении, о хождении без отдыха. [*Хунь*] представляет собой мельчайшее слабой силы *ян*, поэтому [она] находится в постоянном движении. Будучи по отношению к человеку внешней [силой], [*хунь*] управляет чувствами [людей]. *По* — "дух", связан с представлением как бы о настоятельном давлении на человека. *По* представляет собой мельчайшее слабой силы *инь*. Подобно металлу и камню [*по*] давит на человека без насилия и [таким образом] управляет природными задатками [людей]" (пер. Т. В. Степугиной). — Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М., 1990.

Юй Ин-ши, опираясь на исследования Ван Го-вэя (Ван Го-вэй. Шэнба сыба као. — Ганьтань цзилинь. Пекин, 1926, т. 1) и другие работы, замечает, что китайские представления о душе *по* как об отдельной субстанции гораздо более раннего происхождения, нежели идея двуединства души, и их широкое распространение следует относить ко времени еще до VI в. до н. э., тогда как распространение представлений о *хунь* он относит ко времени не позднее III в. до н. э. (Yu Ying-shih. "O Soul, Come Back!" A Study in the Changing Conceptions of the Soul and Afterlife in Pre-Buddhist China. — "Harvard Journal of Asian Studies" (HJAS). 1982, vol. 47, p. 370. См. также его работу, опубликованную в KHP: Чжунго гудай сыхоу шицзе гуаньдэ яньбянь (Эволюция древнекитайских представлений о мире умерших). — Яньюань лунсюэцзи. Пекин, 1984.

Кроме того, из записи в "Цзо чжуань", датированной 534 годом до н. э., можно сделать вывод о том, что, по тогдашним представлениям, новорожденный младенец обла-

но также, что после этого *хунь* получала наименование *шэнь* 神, дух, а *по* — получала название *гуй* 鬼, душа умершего⁴. Что же происходило дальше?

Уже в "Цзо чжуань" упоминается некий Желтый Источник (黄泉) как место, куда направляется душа после смерти: "Не пойдешь к Желтому Источнику, не увидимся более"⁵. Из того же памятника известно, что Желтый Источник располагается под землей, описание этого места или какие-либо иные сведения о нем отсутствуют⁶. У Сыма Цяня (145/135? г. до н. э. — ?) в "Исторических записках" сказано, что "жизненная сила Света, достигнув Желтого Источника — царства мертвых, рвется наверх"⁷. Таким образом, Желтый Источник — первое известное нам китайское обозначение загробного (подземного) мира⁸.

К тому же времени (т. е. до конца владычества Восточной Хань: II в. н. э.) китайский исследователь Юй Вэй-ган относит и появление другого термина для обозначения подземного царства мертвых — Юду

дал лишь душой *по*, а *хунь* приобретал несколько позже. — Чуньцю Цзочужань чжэньи (Подлинный смысл "Чуньцю" и "Цзочжуань"). Пекин, 1957, т. 5, с. 1778.

⁴ De Groot справедливо отмечал, что иероглиф 鬼 (и обозначаемое этим иероглифом понятие) — более древнего происхождения, нежели *хунь* и *по*, поскольку, которыми записываются последние два понятия, имеют в своей основе знак 鬼 с добавленными к нему ключевыми знаками (Groot J. M. The Religions System of China. Leiden. 1892, vol. 4, p. 73). Во многих древних текстах иероглиф *гуй* объясняется через 歸 *гуй* — "возвращаться": "Те из людей, которые "возвращаются", становятся *гуй*. В древнем Китае для умерших существовало также название 歸人, т. е. "вернувшиеся" (Шовэнь цзецзы, Шанхай. 1990, с. 434.).

⁵ Чуньцю цзочжуань., т. 1, с. 88. Запись датирована 721 г. до н. э. Л. Томпсон подчеркивает, что этот термин впервые встречается в "Цзочжуани" — L. G. Thompson. On the Prehistory of Hell in China. — "Journal of Chinese Religions". 1983, N 17, p. 29.

⁶ О скудности этих сведений пишет и Дж. Нидэм: J. Needham. Science and Civilisation in China. Cambridge, 1984, vol. 4, p. 84.

⁷ Сыма Цянь. Исторические записки. Пер. с кит. Р. В. Вяткина. М., 1986, т. 4, с. 101.

⁸ Не менее распространенное и, судя по всему, более раннее значение выражения "желтый источник" — подземный ключ. Так, в книге Мэн-цзы, например, сказано: "Ведь дождевой червь — поднимается наверх есть сухую землю и спускается вниз пить воду из желтого источника". См.: Мэн-цзы чжэн и (Подлинный смысл Мэн-цзы). Пекин, 1962, т. 1, с. 274. Комментатор отмечает, что "желтый источник" имеет также смысл "подземное царство мертвых", но в данном случае речь идет исключительно о подземном ключе. Для нас в любом случае важно, что место это расположено под землей. Другой синонимический термин, принятый для обозначения этого места Цзю цюань (юань), Девять Источников.

幽都, Столица Мрака⁹. Наиболее древний памятник, где зафиксировано это слово — сборник "Чу цы" ("Чуские строфы") и поэма "Чжао хунь" ("Призвание души"), приписываемая Цюй Юаню, в составе этого сборника. Название поэмы частично совпадает с названием древнего ритуала 招魂復魄, упоминания о котором есть в таких сочинениях, как "Чжоу ли" и "Ли цзи". Ритуал включал в себя набор определенных магических действий, главным среди которых был призыв к душе умершего вернуться назад, а конечной целью "призвания" было, по-видимому, оживление покойного¹⁰. Ритуал был широко распространен в старом Китае.

⁹ Юй Вэй-ган. Чжунго дия гуаньяньдэ синчэн юй яньбянь (Формирование и эволюция китайских представлений об аде) — "Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь". 1988, N 4.

¹⁰ Подробнее см. указанные работы Юй Ин-ши, где описана сама церемония "призвания души" и проводится сопоставление этого материала с данными археологических раскопок на территории КНР. Также см.: Ли Бин-хай. Чжунго шангу шицидэ чжаохунь иши (Церемония "призвания души" в древнем Китае). — "Шицзе цзунцзяо яньцзю". 1989, N 2, и др.

Любопытный рассказ о "призвании души" содержится в сборнике "Тун ю лу": "В четвертый год Да-ли (769 г.) ученый-отшельник Лу Чжун-хай вместе со своим двоюродным дядей Цзуанем гостил в У. Вечером они отправились на пир к начальнику области. Было очень весело, и все напилось пьяные. Когда же чиновники понемногу разошлись, Цзуаню сделалось очень дурно, и его стало сильно рвать.<...> Чжун-хай достал из короба лекарство и дал Цзуаню принять, но в полночь тот все равно умер. Чжун-хай стал горько плакать. Потом приложил руку к груди Цзуаня — как-будто тот еще теплый. Чжун-хай не знал, что делать. Вдруг он вспомнил, что в "Ли цзи" описывается способ, с помощью которого душу можно заставить вернуться из загробного мира. Да один воин рассказывал как-то Чжун-хаю, что пользовался таким способом, и способ — действенный. Чжун-хай стал без устали громко звать Цзуаня по имени. Он долго кричал, как вдруг Цзуань ожил и заговорил: "Ты спас меня своими криками!" Чжун-хай стал его расспрашивать и вот что рассказал Цзуань: "Меня схватили несколько чиновников и повели с собой, говоря, что ланчжун приказал доставить меня в гости. Я спросил, как зовут ланчжуна, оказалось — Инь. Скоро мы подошли к его резиденции — ворота огромные, как горы, кругом так и снуют бесчисленные повозки и всадники. "Ну, что вы скажете о вине? — приветствовал меня Инь. — Я часто вспоминаю о том, как в былые дни, отдаваясь безудержному желанию, также пил очень много, но потом вдруг решительно остановился. Сегодня решил вспомнить прошлое, потому и осмелился пригласить вас!" И он предложил мне пройти в дом. Мы оказались в беседке, стоявшей в бамбуковой роще. Там были и другие гости — все в красных или пурпурных одеяниях. Совершив приветственные поклоны, все сели. Слуги внесли вино, засверкали кубки; певички и музыканты, что называется, клубились, как тучи. Мне это до того понравилось, что я обо всем позабыл, и лишь в середине пира услышал, как ты меня зовешь. Но музыка играла так прекрасно, что в душе моей все перемешалось, мы еще много раз подняли кубки, и я снова обо всем позабыл, но вскоре опять услышал звуки твоего голоса и загрузил — на сердце стало печально. Так повторялось четыре раза, и я решил распрощаться. Хозяин стал уговаривать остаться, я сослался на то, что дома у меня есть весьма неотложные дела, и только тогда он отпустил меня, попросив, правда, чтобы я поскорее возвратился, он тогда назначит меня на должность, и я притворно ему обещал. Очнувшись, я понял, что это была смерть. И если бы ты не звал меня, то я бы и думать забыл о своем теле, которое осталось тут. Когда меня уводили, я был как во сне, а сейчас — будто снова родился..." (Тай-пин гуан цзи. Пекин, 1959, т. 2, с. 2680).

Поэма Цюй Юаня¹¹ представляет собой заклинательный текст, где поэт, обращаясь к душе усопшего, предостерегает ее от опасностей и бед, подстерегающих в ином мире, и убеждает вернуться назад, в свое тело. Про Юду в данном тексте сказано только, что место это находится под землей; зато сравнительно подробно описан один из его обитателей — Ту-бо (土伯): "Ту-бо изгибается в девять [изгибов], рог его (рога? — И. А.) остер так! Толстая спина, пальцы в крови, гоняется за людьми стремительно так! Три глаза, тигра голова, а тело как у быка! О, любит людей пожирать!"¹². Облик Ту-бо кровожаден, страшен и мрачен.

В более позднем, восточноханьском, комментарии на поэму Цюй Юаня Ван И сообщает о Ту-бо некоторые дополнительные подробности. Он пишет со всей определенностью, что Юду — место под землей, управляемое Хоу-ту (后土), а название этого места происходит от мрака, царящего под землей. Ту-бо же — князь, подчиненный Хоу-ту (后土之侯伯). Ту-бо охраняет подземные ворота и властвует над прибывающими в царство мрака людьми (сказано именно 人, люди, а не души). Ту-бо — толстый и жирный как бык, голова и морда у него тигриные¹³. Все эти дополнительные сведения заслуживают, несомненно, внимания и несколько расширяют наши знания о Ту-бо, но следует помнить, что Цюй Юаня и Ван И разделяет более пятисот лет. Живописные подробности о Ту-бо Ван И, как это видно из его комментария, почерпнул из неизвестного источника, возможно, из устной беседы ("Рассказывают, что под землей есть Ту-бо..."). Мы можем предположить, что к концу правления династии Восточная Хань дан-

¹¹ Комментарий ханьского времени Ван И высказал мнение, что поэма эта написана последователем и учеником Цюй Юаня Сун Юем, и эта точка зрения до сих пор поддерживается рядом ученых — См.: Федоренко Н. Т. Цюй Юань: истоки и проблемы творчества. М., 1986.

¹² Чу цы сюань. Ма Мао-юань суаньчжу (Избранное из "Чуских строф". Отобрал и прокомментировал Ма Мао-юань). Пекин, 1958, с. 188. Юань Кэ дает несколько более широкий пересказ этих строк, включающий в себя и более поздний комментарий к поэме: "Городские ворота в Юду сторожил знаменитый трехглазый великан Ту-бо с головой тигра. Он изгибал свое огромное, как у вола, тело, потрясал блестящими, крепкими и острыми рогами, растопыривал толстые, окровавленные пальцы и гонялся за бедными, жалобно стонущими духами — душами умерших, которые в страхе разбежались и прятались от него" — Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1987, с. 101. Картина, что и говорить, ужасающая. Б. Л. Рифтин в своем комментарии осторожно пишет, что здесь "дано иное толкование отдельных строк" (там же, с. 292). Имя Ту-бо следует, видимо, переводить как "Господин земли" в смысле — хозяин, начальник, властелин. По крайней мере, словарь "Шо вэнь цзе цзы" разъясняет иероглиф *бо* через иероглиф *чан*, "старший, главный." — Шо вэнь цзе цзы., с. 367.

¹³ Подборку цитат из комментариев Ван И, касающихся Ту-бо, см. в кн.: Чжунго шэньхуа чуаньшо цыань (Словарь китайских мифов и легенд). Шанхай, 1985, с. 18.

ное предание, имеющее своими корнями чуские мифы и легенды, уже прочно вошло в общекитайскую систему верований и было достаточно распространено — переходило из уст в уста.

О внешнем облике Ту-бо некоторое представление могут дать также результаты раскопок 1979 года в уезде Суйсянь (Хубэй), где среди прочих находок был обнаружен гроб, на стенке которого имелось изображение некоего звероподобного существа с рогом на голове и десятью руками. В руках существа было оружие: клевцы зэ и трезубцы. Фэн Бин-чжэн датировал настоящее захоронение началом периода Чжаньго (403-221 гг. до н. э.) и высказал предположение, что изображенное существо и есть Ту-бо¹⁴. Однако, судя по рисунку, Ту-бо выступает здесь не в роли злобного и кровавого подземного обитателя, тиранящего души умерших, скорее, напротив — защищает тело (душу?) положенного в гроб. Таким образом, функции Ту-бо, судя по описанию в поэме Цюй Юаня и по изображению на гробе (если мы согласимся с тем, что речь идет об одном и том же персонаже), не совпадают. Значит ли это, что широко распространенные в древний период представления о Ту-бо как о божестве, сопровождающем умершего в мир иной и защищающем его на этом пути, позднее, с включением в общекитайскую систему верований, претерпели существенные изменения, что нашло свое отражение у Цюй Юаня и Ван И? Не является, в таком случае, закономерным развитие образа Ту-бо — от стража и охранника души к стражу подземного царства, отчасти похожему на Цербера древних греков?

Древнекитайские представления о загробном мире, как справедливо замечает Юй Вэй-ган, не содержат образа загробного правителя, повелителя душ умерших¹⁵, а значит, Ту-бо — всего лишь страж (или начальник одной из областей) в подземном мире, он притесняет мертвых, но, как будто, никоим образом не управляет, не руководит ими, не вершит над ними суд, не определяет срока жизни живых, т. е. не исполняет функции повелителя умерших. Он просто держит в страхе всех жителей подземной обители. Кроме того, нигде и не сказано, что все умершие (точнее, все их души) непременно должны оказаться в Столице Мрака.

К ханьскому времени относятся также некоторые дополнительные сведения о Желтом Источнике. В "Хань шу" ("История династии Хань") читаем: "Желтый Источник под землей, мрачен в глубине! Ро-

¹⁴ Фэн Бин-чжэн, Цзэн-хоу имудэ гуаньхуа юй чжаохуньдэ Ту-бо (Изображения на гробе из второй могилы Цзэн-хоу и Ту-бо, призывающий душу). — "Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь". 1982, N 3.

¹⁵ Юй Вэй-ган. Указ. соч., с. 100

дившись, человек непременно встретит смерти час. <...> В пределы Хаоли вызывают для проверки! Уж если умер, некого вместо себя туда послать..."¹⁶. Из приведенного отрывка видно, что где-то в пределах Желтого Источника, или в его окрестностях, существует некое место под названием Хаоли 蒿里, и туда после смерти вызывают (招) для проверки (殓, внесения в списки?), и каждый умерший является туда лично. В комментарии Янь Ши-гу (581-645) о Хаоли сказано: "Хаоли — селение мертвых (死人里)", однако его местоположение неизвестно. В этой связи любопытна и симптоматична запись из шестой цзюани "Хань шу", повествующая о царствовании императора У-ди (на троне с 140 по 86 г. до н. э.): "Зимой, в десятую луну первого года Тай-чу (104 г. до н. э.) [император] осчастливил посещением гору Тайшань¹⁷. В одиннадцатую луну, в день зимнего солнцестояния под знаками цзы-цзы, [император] в зале Минтан вознес молитвы Шан-ди, Верховному Императору¹⁸. В день и-ю случилось бедствие в Болян-тай¹⁹. В двенадцатую луну [император] принес жертвы земле в Гао-ли"²⁰. В комментарии поясняется, что Гаоли — гора, расположенная у Тайшани. Янь Ши-гу пишет, что речь идет в данном случае именно о горе, а не о поселении мертвых Хаоли или, иначе, Сяли (下里, Подземное Селение). Разница, замечает он, даже в написании иероглифов — ведь хао в названии "Хаоли" пишется с ключом "травы" сверху — 蒿, а название горы, действительно расположенной у Тайшани, — без этого ключа. Далее, в "Хоу Хань шу" ("История династии Поздняя Хань") со всей определенностью сказано, что души умерших следуют к горе Тайшань. Комментарий гласит: "Тайшань — внук Тяньди, Небесного Императора. Ведает вызовом душ человеческих (хунь). Все сущее берет начало в восточной стороне, поэтому [владыке

¹⁶ Хань шу. Бань Гу чжуань (История династии Хань. Сост. Бань Гу). Пекин, 1962, т. 9, с. 2762.

¹⁷ Одна из пяти священных гор Китая, расположена в центральной части провинции Шаньдун, с древности являлась объектом поклонения. Все китайские императоры совершали восхождение на Тайшань для жертвоприношений Небу. По свидетельству Сыма Цяня, все 72 правителя древности совершали такие восхождения (указ. соч., т. 4, с. 153, 156, 159). Жертвы Земле приносили на расположенном вблизи Тайшани холме Ляньфу (с. 160).

¹⁸ Он же — Небесный Император, главное божество китайского пантеона.

¹⁹ Покой, выстроенные по приказу У-ди в 117 г. до н. э. в северо-западной части современного уезда Чанъаньсянь в Шэньси. В годы Тай-чу (104-101 гг. до н. э.) покои сгорели.

²⁰ Хань шу., т. 1, с. 199.

Тайшани] ведом срок [человеческих] жизней"²¹. Таким образом, получается, что, несмотря на разное написание, и гора Гаоли, и "селение мертвых" Хаоли находились рядом с горой Тайшань, и в этом "селении мертвых" в обязательном порядке собирались все души умерших²².

Если судить по материалам письменных источников, в ханьское время было уже широко распространено представление о горе Тайшань, как о месте, куда после смерти следует душа человеческая, а также — о том, что владыка этой горы (дух?), находящийся в родственных отношениях с самим Небесным императором, наделен правом вершить судьбы людей²³. Пожалуй, представления о Хаоли, Тайшань и владыке этой горы можно назвать — в первом приближении — ранней китайской концепцией загробного мира, в которой загробный мир начинает приобретать черты упорядоченного и иерархизированного общества. Дух горы Тайшань имел титул *Тайшань фуцзюнь* (泰山府君), т. е. Правитель Управления Горы Тайшань, этот титул встречается уже в ханьских погребениях, и тогда вполне вероятно, что название Тайшань фуцзюнь широко использовалось в Китае, начиная уже с первого века до нашей эры²⁴.

Итак, про Правителя Тайшань известно, что он вызывает души умерших жителей Серединного Государства (中國人死者魂神). Но из других источников мы знаем также, что Правитель Тайшани призывал к себе обе — и *хунь*, и *по* — души умершего: "Хуан-ди породил Пятый пик (Тайшань — И. А.). Он (Тайшань — И. А.) заведует списками

²¹ Хоу Хань шу. — Эршиуши. Шанхай, 1987, т. 2, с. 302.

²² Название *Хаоли* ассоциируется с траурным песнопением того же названия. Когда провозгласивший себя циским ваном Тянь Хэн (?-202 г. до н. э.) потерпел неудачу и, отказавшись служить дому Хань, покончил с собой, некий его подданный, скорбя о хозяине, сложил траурную песню, где говорилось, что жизнь человеческая подобна росинке на луковой зеленой стрелке и что после смерти душа возвращается в Хаоли. Несколько позже (IV в.) траурные песни такого рода стали разделять на *цэлу* (где *цэ* — род лука, а *лу* — роса) для знатных особ; и *хаоли* — для всех прочих (Цы тун. Шанхай, 1985, т. 1, с. 1201).

²³ Интересный эпизод содержится в сочинении "Фэн су тун и" ("Проникновенный смысл нравов и обычаев") Ин Шао (? — 202). С древности, сказано там, существует легенда о золотом ларчике с нефритовыми пластинками внутри, по которым можно определять продолжительность жизни. Этот ларчик находится на горе Тайшань. Когда ханьский У-ди, побывав там, вытянул пластинку, то оказалось, что на ней написана цифра 十八 (18). Но У-ди перевернул пластинку, и получилось 八十 (80). Он действительно дожил до восьмидесяти лет. — Ин Шао. Фэн су тун и. (В сер. Сы бу цун кань). Шанхай, 1936, т. 100, с. 15.

²⁴ Yu Ying-shin. Ibid., p. 388.

умерших (死人錄). Он вызывает душу хунь, вызывает душу по. Он заводит реестрами умерших (死人籍)"²⁵. У поэта Лу Цзи (261-303), например, в стихотворении "Песнь о Тайшани" есть такие строки: "И на Лянфу есть постоянные дворы. И в Хаоли беседки есть. Дороги мира мрака заполнены сонмом душ умерших (гуй). В хоромах духов собраны здесь сотни душ (靈, лин)"²⁶. Название "Хаоли", согласно комментарию Янь Ши-гу, соответствует Селению Мертвых. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что души хунь и по, вызванные на Тайшань, сосредоточивались в разных местах: по (в форме гуй, как сказано у Лу Цзи) в Хаоли, а души хунь (у Лу Цзи — лин) — в Лянфу, однако полной уверенности в этом нет. Важнее другое, то, что, по ханьским представлениям, обе человеческие души после физической смерти тела направлялись именно на Тайшань. Там, в специальной канцелярии, составлялись списки, в которых умершие регистрировались, о чем в первую очередь свидетельствуют данные археологических раскопок захоронений 168-167 гг. до н. э., где были, в частности, обнаружены тексты "докладов", сопровождавших тела умерших. В этих бумагах сообщается о прибытии в ведение Управления такого-то человека, встречаются названия должностей чиновников загробного управления, к которым адресованы бумаги — ланчжуна (начальника департамента), чжуцзанцзюня (Государя-управителя хранилищ), дисячэна (министра подземного мира), наконец, дисячжу (владыки подземного мира)"²⁷. К сожалению, ни описаниями, ни какими-либо иными сведениями об этих персонажах мы не располагаем. Юй Ин-ши справедливо замечает, что "судя по различным официальным титулам, находимым в ханьских захоронениях, и другим текстам, бюрократическая структура подземного мира была скопирована с административной системы империи Хань"²⁸.

²⁵ У Жун-цзэн. Чжэньму вэньчжун соцзяньдаоде дунхань даоу гуаньси (Письмена, найденные в могиле в Чжэнь и даосская магия времени Восточная Хань). — "Вэнь", 1981, N 3, с. 56.

²⁶ Лу Ши-хэн шичжу (Комментированное собрание стихов Лу Ши-хэна (Лу Цзи). Пекин, 1958, с. 4.

²⁷ См.: Хубэй Цзянлин Фэнхуаншань илюбахао ханьму фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках ханьского погребения N 168 на Фэнхуаншани в Цзянлине, пров. Хубэй). — "Вэнь", 1975, N 9, с. 4. См. также: Ма Юн. Лунь Чанша Мавандуй ихао ханьму чуто бохуадэ минчэн хэ цзоюн (По поводу наименования и функций рисунков на шелке из ханьского погребения N 1 в Мавандуе у Чанша). — "Каогу", 1973, N 3, с. 124; Donald Harper. A Chinese Demonography of the Third Century B. C. — HJAS, 1985, v. 45, N 2.

²⁸ Yu Ying-shih, Ibid, p. 390.

Восстановить полную и четкую картину древнейших представлений о загробном мире и о его обитателях не представляется возможным (да это и не входит в задачу настоящей работы), но все же можно обозначить некоторые ее контуры. Так, в Китае начала нашей эры мы находим, по крайней мере, три обозначения (концепции?) загробного мира: Хаоли (или Сяли), место у горы Тайшань, куда прибывают и где учитываются все души умерших; Желтый Источник (он же Девять источников и др.), близкий аналог Хаоли, однако, менее конкретный и с оттенком "высокого" поэтического стиля; Юду, Столица Мрака (стоит несколько особняком в силу своего чуского происхождения). Налицо некоторая разнородность и аморфность существующих обозначений, различных по происхождению и семантическому наполнению. Подобная разнородность отчасти отражает сложность и противоречивость процесса складывания в ханьское время общекитайской системы верований, в ходе которого сливались верования различных народов, объединенных новым государственным образованием, видоизменяясь — в соответствии со старыми традициями и образцами — и приспособлялись друг к другу²⁹. Исходные представления о загробном мире, пройдя через подобную призму, претерпели некоторые изменения. Кроме того, об изначальной четкости и определенности этих представлений также говорить не приходится: "Идеи каждого отдельно взятого народа о загробном мире душ обычно далеки от ясности"³⁰. К тому же развитие системы верований вовсе не означает преодоления ее первоначальной аморфности, поскольку это развитие есть живой процесс пополнения, изменения, отбора.

2

Начиная с ханьского времени круг источников, основываясь на которых мы можем эксплицировать китайские представления о сверхъестественном и о загробном мире, качественно и количественно расширяется, что несет с собой для исследователя как преимущества, так и проблемы.

Когда при изучении письменных источников мы говорим о традиционной культуре или о традиционном образе мира, речь не идет о целой и непротиворечивой картине универсума. Здесь находят отражение взгляды различных слоев общества: культурных, образованных

²⁹ Что уже отмечалось в синологии. См., например: Karlgren B. Legends and cults in Ancient China. — "Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities". 1964, N 18.

³⁰ Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1964, с. 200.

книжников и необразованного "безмолвствующего большинства"³¹. В чем-то эти взгляды сходны (имеется в виду комплекс тех обыденных представлений, которые носитель определенной культуры впитывает изустно, что называется, с молоком матери), в чем-то достаточно существенно различаются (когда вступают в права особенности образования, веропринадлежности и пр.). Обычно анализируют взгляды образованного меньшинства, главным образом потому, что они нашли отражение в теоретических трактатах, официальных бумагах и сочинениях, т. е. в так называемой "высокой словесности"; обыденный же слой культуры часто остается без внимания³².

Это верно также для китайской культуры: мы лучше представляем себе мировоззрение отдельных философов, самые религиозно-философские системы, нежели мировоззрение "безмолвствующего большинства". Между тем обыденная картина мира вполне может быть восстановлена на основании письменных источников, в Китае — прежде всего — на основании материалов прозы *сяошо*. Традиционно она не относится к высокой словесности, однако занимались её созданием вовсе не простецы, но грамотей-книжники. Таким образом, речь пойдет о "низкой" прозе образованного меньшинства, т. е. о тех письменных источниках, в которых отражены живые народные верования, в той или иной степени разделяемые людьми, владеющими грамотой. В данной работе мы не будем подробно останавливаться на текстах теоретического уровня знания, будь то даосские трактаты, буддийские сутры, канонические конфуцианские сочинения или комментарии к ним. В отрыве от этих текстов рассматривать традиционные китайские представления, конечно, нельзя, и мы будем иметь их в виду, но нельзя также не учитывать, что письменные памятники, относящиеся к высокому, теоретическому знанию, неизбежно оказывались под влиянием той или иной религиозно-философской системы, к которой относились, или же несли на себе отпечаток личности создавшего их автора, тогда как в старой китайской сюжетной прозе *сяошо*, безусловно, не являющейся литературой в современном смысле слова, личностные и ментальные особенности авторов стирались, становились гораздо менее заметными. Речь шла об обыденном, общеизвест-

³¹ Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. См. также: Он же. Категории средневековой культуры. М., 1972; Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.

³² Ср.: "Средневековый образ мира, реконструируемый современным ученым, оказывается в большей или меньшей степени "смещен" в сторону видения элиты" — А. Я. Гуревич. Проблемы., с. 8.

ном, знакомом и верхам, и низам³³. Книжники, имеющие дело с *сяошо*, смотрели на эти тексты глазами культуры, тем самым оформляя в единое целое обрывки сведений, историй, слухов. Они знали все то же самое, что знал народ, и сверх того, поэтому их культурная интенция неминуемо упорядочивала разнородный материал, создавая тем самым некий общий для разных авторов универсум — универсум *сяошо*. По этой причине сюжетная проза *сяошо* предпочтительна для нашего исследования: мы имеем дело с народными верованиями не в свободной стихийной форме их бытования, а в упорядоченном самими носителями культуры виде.

Таким образом, проза *сяошо* включает в себе обыденное, общее знание о мире и позволяет с большим основанием судить о традиционном мирозерцании и его субстрате, т. е. дает целостную картину мира, которую в дальнейшем можно разложить на отдельные элементы.

Как известно, древнейшие сборники *сяошо* до наших дней не дошли, в составе "Хань шу" сохранились лишь их названия, поэтому судить о них и об их содержании довольно трудно³⁴. Опираясь на имеющиеся свидетельства, современный китайский литературовед Хоу Чжун-и пишет, что эти *сяошо* по содержанию были народными, и многие из них являлись простыми записями преданий, легенд, слухов и в этом смысле были отличны от возвышенных рассуждений о Великом Дао и иногда противоположны им; это были записи событий, не встречающихся в исторических и канонических сочинениях, в том числе, необычайных событий. По форме такие *сяошо* представляли собой короткие фрагменты текста на литературном языке *вэньянь*, объединенные в небольшие по объему книги; авторами их были образованные представители средних слоев общества, мелкие чиновники³⁵.

³³ Ср. с подходом Л. П. Карсавина к проблеме изучения "среднего" человека средневековья и общего религиозного фона того времени. См.: Л. П. Карсавин. Основы средневековой религиозности в XII-XIII вв., преимущественно в Италии. Пг., 1915, с. 11.

³⁴ См.: Хань шу., т. 6, с. 1745-1746. Здесь приведены названия 15 сборников; кроме того в нашем распоряжении есть еще комментарии самого Бань Гу и Янь Ши-гу, весьма лаконичные, а также очень немногочисленные отрывки, дошедшие от этих сборников в составе других сочинений. Исходя из всех этих сведений, мы можем сказать, что перечисленные Бань Гу сочинения по своему характеру близки или к историческим сочинениям — "Чжоу као", "Цин Ши-цзы", или к сочинениям философско-религиозного характера — "И Инь шо", "Сун-цзы", "Бай цзя", "Хуан-ди шо".

³⁵ Хоу Чжун-и. Хань Вэй лючао сяошо ши (История сяошо при Хань, Вэй и Шести Династиях). Шэньян, 1989, с. 3-4. Сяошо можно рассматривать и как простые записи мифологического характера, без учета авторства, как это делает К. И. Голыгина. См.: К. И. Голыгина. Китайская проза на пороге средневековья (мифологический рассказ III-VI вв. и проблема генезиса сюжетного повествования). М., 1983.

Подлинного расцвета сюжетная проза *сяошо* достигла уже после Хань, когда число сборников многократно возросло. Из них более тридцати дошло до нас (во фрагментах)³⁶. Проза *сяошо* этого периода формально и содержательно не отличалась от предыдущего: все те же короткие, лаконичные записи, лишенные в большинстве своем описаний и диалогов, излагающие "небольшие сюжеты фантастического или бытового характера, и, как правило, не включающие морализующего элемента"³⁷.

Расцвет прозы *сяошо* совпал с проникновением в Китай буддийского учения. Принято считать, что буддизм появился в Китае на десятый год правления Юй-пин поздниханьского императора Мин-ди (в 67 г.). Буддизм привнес в китайскую культуру свой, законченный вариант представлений о том, что бывает с душой человека после смерти: концепцию подземного ада, идею воздаяния за зло, концепцию бессмертной, проходящей через непочку перерождений души, наконец, концепцию небесного рая и вечного блаженства — нирваны. Учение Будды, как известно, получило в Китае дальнейшее развитие, результатом чего стало появление нескольких оригинальных школ китайского буддизма³⁸.

Буддизм нашел живейшее отражение и в сюжетной прозе *сяошо*, что позволило исследователям выделить отдельную группу "буддийских *сяошо*"³⁹. Но и в них мы не найдем подробного, цельного и законченного изложения тех или иных аспектов буддийского учения, а обнаружим лишь такие его элементы, какие занимали умы на уровне

³⁶ Лу Синь собрал их воедино в книге "Гу сяошо гоучэнь (Изыскания по старым сяошо). Пекин, 1953.

³⁷ Л. Н. Меньшиков. Буддийские притчи в китайской литературе. — Бай юй цзин (Сутра ста притч). Москва, 1986, с. 16. Сюжетной прозе сяошо посвящена довольно обширная литература, см. наиболее важные работы: Лу Синь. Чжунго сяошо шилуэ (Очерки истории китайских сяошо). Пекин, 1963; Хоу Чжун-и. Чжунго вэньянь сяошо шигао (Черновая история китайских сяошо на вэньяне). Пекин, 1990, т. 1; Ли Цзянь-го. Танянь чжигуай сяошо ши (История дотанских сяошо "Об удивительном"). Тяньцзинь, 1984; E. D. Edwards. Chinese Prose Literature of the Tang Period. London. 1937, vol. 1-2; на русском языке см.: К. И. Голыгина. Китайская проза..., и др.

³⁸ Подробнее см.: Чжунго фозяо (Китайский буддизм). Пекин, 1980; Тан Юн-тун., Хань Вэй лян Цзинь Наньбэйчао фозяоши (История буддизма периодов Хань, Вэй, обеих Цзинь, Южных и Северных Династий). Пекин, 1963; Янгутов Л. Е. Философское учение школы хуаянь. Новосибирск, 1982; Философские вопросы буддизма. Новосибирск, 1984, и др.

³⁹ Это, например, "Мин сян цзи" ("Записки о знамениях из загробного мира") Ван Яня, "Юань хунь чжи" ("Заметки о безвинно погибших душах") Янь чжи-туя (531?-590?), "Ю мин лу" ("Записки о мраке и свете") Лю И-цина (403-444) и др.

обыденного сознания и какие относятся к т. н. простонародному буддизму, т. е. речь снова идет о повседневном, расхожем знании⁴⁰.

Мы не встретим в *сяошо* ни цельной картины загробного мира, ни четких, законченных представлений о жизни души после физической смерти тела, ни целостного изображения ада и адских мучений, что со всеми подробностями живописуется в собственно буддийских сочинениях. В *сяошо* затрагиваются не все, а лишь отдельные моменты буддийского учения. При этом следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что буддийская концепция загробного мира не смогла составить сколь-либо существенной конкуренции китайскому традиционному культу предков, она просто естественным образом заполнила имевшуюся содержательную лауну, не изменив уже имевшихся представлений и связанных с ними магических действий и обрядов⁴¹.

3

Упоминания о Желтом Источнике, Столице Мрака или о горе Тайшань как о месте, где сосредоточен загробный мир и "аппарат управления" душами умерших, в *сяошо* нечасты. Как будто сохраняется устойчивое представление о том, что от горы Тайшань зависит продолжительность жизни⁴², но область собственно загробного мира сто-

⁴⁰ Что и дает все основания на материале буддийских *сяошо* реконструировать простонародный, низовой буддизм того времени, как это делает М. Е. Ермаков, который также подчеркивает различие между высоким знанием, заключенным в сутрах, и обыденным знанием, отраженным в *сяошо*: "Основная линия разграничения проходит здесь между элитарным буддизмом ученого монашества и буддизмом мирян вне зависимости от их социальной принадлежности." — М. Е. Ермаков. Об авторе "Мин сянь цзи". — "Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока". М., 1990, вып. 23, т. 1, с. 24. Также см.: М. Е. Ермаков. Гао сэн чжуань — памятник биографической литературы китайского буддизма. — Хуэй-цзяо. Жизнеописание достойных монахов (Гао сэн чжуань). Пер. с кит., исслед., комм. и указ. М. Е. Ермакова. М., 1991, т. 1, с. 71; "Подлинные события и "Достопамятные происшествия". Сборники буддийских коротких рассказов *сяошо* (Пер. с кит. М. Е. Ермакова) — "Буддизм в переводах". Вып. 1. СПб, 1992.

⁴¹ Отдаленной аналогией распространению буддизма в Китае может стать ситуация христианизации Древней Руси. В обоих случаях новая религия, накладываясь на комплекс старых представлений, не уничтожала их, а вступала с ними во взаимодействие. Как заметил известный знаток русского фольклора Е. В. Аничков, языческая русская обрядность, как неперемное действие, не могла быть поколеблена христианством, но христианство влило в нее много нового, и в результате повседневный обряд получился не языческий, а двоеверный. См.: История русской литературы. М., 1908, с. 48-80. Аналогично в Китае — буддизм не заменил и не подменил китайскую обрядность, связанную с культом предков, но естественно слился с нею, в чем-то дополнив и упорядочив общие представления.

⁴² Например, герой рассказа "Шэнь и...", будучи послан по служебным делам в область, расположенную далеко от его родных мест, "каждый вечер обращался [лицом] на

ит на заднем плане, зафиксированы лишь отдельные фрагменты описания загробного мира, а также образ владыки подземного царства, часто называемого "Яньло-ван", что есть, как известно, сокращенный перевод на китайский санскритского Yama-raja: Яньмолочжэ. Не во всех *сяошо*, где речь идет о загробном правителе, он назван прямо по имени — более часто упоминание некоего вана (князя), вершащего суд над прибывающими душами. Сведения, которыми мы располагаем на этот счет, относятся, главным образом, к воспоминаниям воскресших после смерти или побывавших в загробном мире во время сна, болезни: некоторое (часто — три дня) время такой человек находится в бессознательном состоянии, настолько похожем на смерть, что в ряде случаев родственники даже кладут его в гроб, после чего мнимо умерший воскресает и рассказывает о виденном в загробном мире⁴³.

Так, живший при Суй, в годы Кай-хуан (589-600) Чжао Вэнь-жо пролежал в беспамятстве семь дней, а потом очнулся и рассказал, что был препровожден (*бэй и жэнь*, человеком) в дворцовый город (*гун чэн*), где предстал перед ваном⁴⁴. В другом рассказе: "Сначала я увидел две души умерших (*гуи*), держащих в руках официальные бумаги. Они пригнали меня к каким-то городским воротам, очень внушительным и высоким. Миновав ворота, мы прошли четыре или пять ли и увидели дворцовые палаты (*гун дянь*) с почетной охраной вокруг. В зале на возвышении сидел ван. [Кругом стояли] буддийские монахи, даосы, варвары с четырех сторон света — бесчисленное количество⁴⁵. Или: "Только умер — тут же его схватили и погнали

восток и совершал поклоны горе Тайшань, мечтая вернуться домой в добром здравии". — Тай-пин гуан цзи (Обширные записки годов Тай-пин). Пекин, 1959, т. 2, с. 690. Этот свод (далее ТПГЦ), составленный по распоряжению сунского императора Тай-цзуна (на троне с 967 по 998 г.) и оконченный в 978 г., крайне представительен: в его составлении, как сообщается в предисловии, было задействовано 344 сборника, главным образом, прозы сяошо разных авторов (современные исследования показывают, что этих сборников было около пятисот), относящихся ко времени с эпохи Хань и по начало Сун (по 977 г.). Многие из этих сборников ныне утеряны, поэтому ТПГЦ приобретает уникальный характер. Кроме того, материал в ТПГЦ систематизирован по 52 тематическим разделам, в заглавие которых вынесены те или иные ключевые понятия (категории) традиционной китайской культуры. Подборка выполнена самими китайцами в X веке, поэтому следует считать, что вошедший в тот или иной раздел материал (придирчиво отобранный!) претендует на полноту объяснения содержания того или иного понятия (категории).

⁴³ В отношении загробного мира в употребление здесь вошли разные термины, в том числе *Юту*, Дороги Мрака, *Юцзе*, Мир Мрака, а также собственно Подземный Ад — *Дня*, чисто буддийский термин.

⁴⁴ ТПГЦ, т. 2, с. 684. Вариант этого же рассказа содержится на с. 685.

⁴⁵ ТПГЦ, т. 2, с. 687.

прочь. Вместе с ним гнали еще десять человек. Скоро все пришли в обиталище Яньло-вана"⁴⁶. Или: "Вдруг однажды вечером скончался от какого-то недуга. Увидел двоих, пришедших за ним. Один сказал, что его фамилия Дуань. В это же время было схвачено еще сто с лишним человек. Мужчин заковали в колодки, а женщин связали веревками..."⁴⁷.

Такие примеры в достаточной степени типичны. В момент смерти человек встречается с вестниками из загробного управления, которые приходят забрать его с собой на основании имеющегося при них письменного распоряжения. Это — официальная бумага (выше названная *вэньде* 文牒, где *де* — род повестки, официального приказа прибывать, вызова), выдаваемая посланцам начальником загробного управления. В роли посланцев, как видно из примеров, выступают души прежде умерших, являющиеся в человеческом облике, что можно заключить из слов: "увидел двоих (*лянь жэнь*), пришедших за ним", "только умер — его тут же схватили (*бэй жэнь чжуай*)" и т. д. Проза *сяошо* показывает, что, по китайским представлениям, штат загробной канцелярии формировался из душ умерших, причем и в загробном мире они продолжают носить свои прижизненные имена, фамилии и титулы, сохраняют прижизненную внешность.

Когда в *сяошо* говорится о том, что посланцы загробного мира забирают с собой умерших, — речь совершенно определенно идет об их душах. Так, во время кратких посещений ада тела человеческие остаются в земном мире, и для родственников эти люди "умерли". Потом душа возвращается и благополучно соединяется с телом, в результате чего мнимо умерший человек воскресает. Нечасто об этом сказано прямо, и уж совсем редки случаи, из которых понятно, как обстоит дело с концепцией двойственности души. Однако, по всей вероятности, вызывается и отделяется от тела душа *хунь*; *по* остается с телом, как и следует по "высокой теории"⁴⁸.

Посланцы ада забирают души вновь умерших целыми партиями — по десять и более единиц. Очевидно, в загробном управлении существует определенный "график" смертей⁴⁹. Посланцы нередко

⁴⁶ ТПГЦ, т. 2, с. 689.

⁴⁷ ТПГЦ, т. 2, с. 699.

⁴⁸ В сборнике сунского Лю Фу (XI в.) есть рассказ, где описывается посещение иного мира, где посланцы рассуждают между собой о том, что возьмут именно душу *хунь*, а душа *по* останется охранять тело. См.: Лю Фу. Цин со гао и (Высокие суждения у дворцовых ворот). Шанхай, 1983, с. 64.

⁴⁹ Он составляется загодя. В соответствии с этим "графиком" писались документы, по которым и забирали души (т. е. люди умирали). Вот любопытный пример из рассказа "Лу

применяют к забранным физическую силу и ташат их с собой, или ведут связанными или скованными, чтобы не разбежались. Загробное управление, куда попадают души вновь умерших, представляет из себя, судя по достаточно однотипным описаниям, дворцового вида город с соответствующей охраной и помещениями, т. е. место, вполне похожее на реальные резиденции земных владык в мире живых.

Оказавшись в загробном мире, перед лицом владыки, душа умершего подвергается допросу, основным содержанием которого становится "что при жизни совершил хорошего и что — дурного"⁵⁰. Вернемся к Чжао Вэнь-жо: "Ван спросил: "Какие у вас, господин, были при жизни заслуги и добродетели?" "Только разве то, что я во всем придерживался "Алмазной сутры", — отвечал Чжао. "Это — самая наипервейшая [заслуга]! — сказал ван. — И хоть годы ваши истекли, за любовь к этой сутре добавляю вам еще двенадцать лет!" Потом сказал еще: "Среди всех преступлений самое тяжкое — убить живое существо"⁵¹. При таких допросах возможны, как правило, две ситуации — когда хорошие поступки, совершенные человеком, значительно превышают дурные, в награду за что его отпускают обратно в мир людей и продлевают срок жизни; и когда человека забрали по ошибке, в результате описки или простой малограмотности чиновников. Все эти обстоятельства выясняются при допросе, после чего схваченного отправляют обратно. При этом он успевает что-то увидеть в загробном мире: порой — случайно, порой — специально поинтересовавшись, иногда же — по приказанию Яньло-вана, умершего специально могут повести посмотреть на последствия прижизненных дурных поступков, с чисто назидательными целями. В результате, увиденным оказывается какое-то одно, максимум — два-три отделения ада, о чем и рассказывает человек, воскреснув⁵². Так, в случае с Чжао Вэнь-жо, ван, упомянув о запрете убивать живое, велит отвести Чжао туда, где мучаются

Кан-чэн": "Вдруг видит — входит когда-то служивший под его началом, но уже умерший, чиновник с кипой казенных бумаг в руках и просит их заверить. "Да ведь вы, господин, уже покинули этот мир! — воскликнул Лу. — Зачем же явились?" "Это вот списки из загробного управления (*ю фу*)", — был ответ. Лу посмотрел — в бумагах только имена и фамилии, а больше ничего. "Это все те воины, кто должен погибнуть в следующем году", — пояснил чиновник. "А меня там нет? Надо бы внимательно посмотреть, вдруг есть!" — сказал Лу". См.: ТПГЦ, т. 2, с. 714.

⁵⁰ ТПГЦ, т. 2, с. 687.

⁵¹ ТПГЦ, т. 2, с. 684.

⁵² Относительно более поздних, цинских представлений о загробном аде см.: И. Г. Баранов. Загробный суд в представлениях китайского народа. Харбин, 1928.

люди, совершившие подобный грех: "Прошли на север, может, два-три ли и остановились около высокой стены. В стене был проход, как раз человеческого роста. Пройдя через него, они вышли на высокий холм. С холма было далеко видно вокруг. Чжао увидел город, из-за высоких и отвесных стен которого вздымались до небес огонь и дым. Черный пепел покрывал землю. Из-за стены доносились вопли страшной боли, да такие жалобные, что невозможно было слушать! Чжао, зажмурив глаза и заткнув уши, нагнул голову и бросился прочь, но почувствовал, что сердце его разрывается. Из рта хлынула кровь... Служитель повел Вэнь-жо назад к вану..."⁵³. Или из другого рассказа: "Служитель повел Ли Шань-луна на восток. Прошли сто с чем-то шагов и увидели огромный железный город. В городской стене было множество маленьких окошек, и туда с земли влетали мужчины и женщины, но обратно не возвращались. Шань-лун удивился и стал расспрашивать чиновника. "Это — большой подземный ад (*да ди юй*), — стал объяснять тот. — Внутри имеются отделения. Преступления определяются в соответствии с кармой каждого, после чего [преступники] поступают в ад для наказания". Услышав жалобные крики, Шань-лун воззвал к милости Будды (*На мо фо!*) и попросил служителя провести его во двор. Там находился громаднейший котел без ножек, внизу пылало пламя, и в котле бурлил кипяток. Рядом полулежали два человека. Шань-лун обратился к ним с вопросом. "За прегрешения нам определено вариться в этом котле! — отвечали люди. — Но вы, о мудрец, милостиво изволили призвать в помощь будду, и поэтому всем находящимся в аду преступникам дарован один день для отдыха и сна"⁵⁴.

Описания видений загробного мира сравнительно разнообразны, и хотя ни одно из них не дает, как было сказано, комплексной картины ада, в некоторых рассказах попадаются не лишённые интереса подробности, о которых нельзя не упомянуть. Например, в одном из цитированных выше рассказов: "Прошли, может быть, десять или больше ли и оказались у нескольких десятков больших деревьев, под которыми была коновязь. "Каждый раз, когда Великий Дух Пяти Дорог ездит инспектировать добрые и злые дела в мире людей, он тут поит своего коня", — объяснил Дуань"⁵⁵. Или — описание "адской" пищи: "...служитель ада внес блюдо. На блюде лежало несколько железных шариков. Он установил во дворе котел на ножках, и под котлом само собой разгорелось пламя. В котле забурилась жидкая медь.

⁵³ ТПГЦ, т. 2, с. 684-685.

⁵⁴ ТПГЦ, т. 2, с. 744-745.

⁵⁵ ТПГЦ, т. 2, с. 699.

[Служитель] стал варить в меди железные шарики, и они сделались красные, как огонь..."⁵⁶.

Подобные примеры можно продолжать. Однако не описание ада и наказаний является центром интереса авторов *сяошо*, эти фрагменты сравнительно малочисленны, второстепенны и не являются главным содержанием произведений, они — своеобразный фон, так сказать, необходимая адская атрибутика. Гораздо больше средневековые умы занимала самая возможность общения с душами умерших людей. Именно взаимодействиям умерших и живых и посвящено громадное число произведений *сяошо*, вышедших из-под кисти последователей Конфуция, который, как известно, о духах и удивительном предпочитал не говорить⁵⁷.

4

Пожалуй, наиболее ранней из дошедших до нас сюжетных записей, специально посвященных душе умершего, следует считать историю о правителе Ду из книги Мо-цзы (479-400 гг. до н. э.)⁵⁸: "Чжоуский Сюань-ван (828-781 гг. до н. э. — И. А.) безо всякой вины обезглавил своего подданного, правителя земель Ду. Правитель Ду [перед казнью] сказал: "Мой государь казнит меня безо всякой вины. Если умерший сознания не имеет, то на этом все и закончится, а если умерший обладает сознанием, то не пройдет и трех лет, как я дам о себе знать моему государю!" Прошло три года. Чжоуский Сюань-ван вместе с вассалами охотился в Путяне. Несколько сотен колесниц и несколько тысяч сопровождающих заполнили всю степь. Был полдень, когда появился правитель Ду — в простой колеснице, запряженной

⁵⁶ ТПГЦ, т. 2, с. 697.

⁵⁷ Из "Лунь юя" нам известно, как относился к духам Конфуций: "[Кун-цзы] приносил жертвы предкам так, словно они были живые; приносил жертвы духам так, словно они были перед ним. Учитель сказал: "Если я не участвую в жертвоприношении, то я словно не приношу жертв"; "Фань Чи спросил учителя о мудрости. Учитель сказал: "Должным образом служить народу, почитать духов и держаться от них подальше — в этом и состоит мудрость"; "Не зная, что такое жизнь, можно ли знать смерть?" (Древнекитайская философия, т. 1. М., 1972, с. 146, 142, 158). Попытку анализа отношения Конфуция к духам и душам умерших см.: Ван Бао-сюань. Шилунь Кун-цзы сюэшо чжундэ гуйшэнь юй дисы вэньти (К проблеме душ умерших и духов, а также жертвоприношений в учении Кун-цзы). — "Шицзе цзунцзяо яньцзю". 1989, N 4.

⁵⁸ "Владение Ду находилось к востоку от современного уездного города Сяньнин в провинции Шэньси" (Го юй (Речи царств), пер. с кит., вступление и прим. В. С. Таскина. М., 1987, с. 313).

белой лошастью, одетый в красное платье и шапку. В руках он держал красный лук, а под мышкой — красные стрелы. Правитель Ду устремился за Сюань-ваном, стал стрелять в его колесницу, пробил сердце и перебил позвоночник, [Сюань-ван] упал, придавленный колчаном, и умер"⁵⁹. Из этого рассказа мы черпаем одно из первых описаний того, как выглядит умерший, явившийся в мир живых: правитель Ду является Сюань-вану в своем прижизненном облике, и как будто ничто не свидетельствует о его бестелесности. Правитель Ду скорее материален: он стреляет в Сюань-вана из лука и убивает его⁶⁰. Приведенный рассказ наглядно показывает, что буддийская идея воздаяния попала в Китае на благодатную подготовленную почву.

⁵⁹ Эр ши эр цзы (Двадцать два философа). Шанхай, 1990, с. 248. Интересно сравнить этот рассказ с его более поздним вариантом — из сборника "Хуань юань цзи" ("Записки о возвращении невинно пострадавших" Янь Чжи-туя (531-595?): "Правителя земель Ду звали Хэн, в Чжоу он был дафу (сановник — И. А.). Наложница Сюань-вана по имени Нюй-цзю захотела сблизиться с ним, но правитель Ду не позволил. Тогда Нюй-цзю оклеветала его перед Сюань-ваном, сказав: "Он тайно соблазнил меня!" Сюань-ван поверил, бросил правителя земель Ду в темницу и велел Сюэ Фу и Сыкун Ци обезглавить его. Приближенные девять раз пытались отговорить его, но ван не слушал. Так правитель Ду погиб... [Потом] в человеческом облике предстал перед Сюань-ваном и спросил: "В чем моя вина?" Ван призвал заклинателя и рассказал ему о правителе Ду. "Кто посоветовал Вашему Величеству казнить его?" — спросил заклинатель. "Это Сыкун Ци", — ответил ван. "Так казните Ци и умиловите этим духа!" — посоветовал заклинатель. Тогда Сюань-ван казнил Ци, а заклинателю велел произнести молитвы. Но правитель Ду снова явился человеком и повторил, что вины за собой не знает. Явился и Сыкун Ци: "Какое ваш подданный совершил преступление?!" Тогда Сюань-ван обратился к Хуанфу: "По совету заклинателя я казнил человека, а ведь его оклеветали. Как быть?" "Следует казнить заклинателя, чтобы умиловить их", — отвечал Хуанфу. Тогда Сюань-ван казнил заклинателя, но и это не помогло. Они [второе] стали являться вану. "Неужели знания вашего подданного — это то преступление, за которое следует казнить?" — спрашивал заклинатель... Прошло три года. Сюань-ван охотился в Путяне. Сопровождающие заполнили всю степь. Был полдень, когда появился правитель Ду в простой колеснице, запряженной белой лошастью, слева был Сыкун Ци, справа — заклинатель. Слева от дороги появились [люди] в красных шапках, с красными луками и пурпурными стрелами в руках. Они стали стрелять в вана, попали в сердце, перебили позвоночник, ван упал, придавленный колчаном и умер" (см.: ТПЦ, т. 2, с. 830-831).

⁶⁰ Юй Вэй-ган обращает внимание на то обстоятельство, что Ду Бо появляется перед Сюань-ваном в красной (чжу) одежде и с красным луком в руках, и высказывает мнение, что в доцинское время умершие и сама смерть ассоциировались именно с красным цветом, в доказательство чего приводит цитату из сочинения Ван Чуна (27?-97) "Лунь хэн" ("Критические рассуждения"), где сказано: "Дракон — создание светлого начала *ян*, поэтому он временами совершает превращения. Душа умершего — светлый эфир (*ян ци*), временами исчезает, временами появляется. Светлый эфир красного цвета, поэтому когда люди видят *гуй*, все они — красного цвета" (Ван Чун. Лунь хэн. Шанхай, 1934, гл. Дин гуй, с. 13). Позднее, пишет Юй Вэй-ган, в представлениях о смерти произошли изменения, и души умерших стали относиться к темной стихии *инь*. См.: Юй Вэй-ган. Чжунго дия..., с. 99. Хотя для предположений Юй Вэй-гана нет, как кажется, достаточных оснований, они симптоматичны, ибо представляют из себя попытку объяснения того, как складывались в Китае из элементов верований различных народов единые представления о душе умершего и ее свойствах.

Обращаясь к материалам сюжетной прозы *сяошо*, мы видим, что души умерших, "вернувшись" в мир живых, могут вступать в контакт с последними как наяву, так и во время сна⁶¹. Китайцы всегда были очень внимательны к снам, традиция толкования снов уходит корнями в глубокую древность. Многие гадательные надписи на черепаших панцирях содержат вопросы о снах, связанных с душами умерших; по преданию, уже мифический император Хуан-ди толковал свои сны. Записи о значимых снах содержатся в древнейших канонических сочинениях, нам известны специальные сонники — например, "Чжань мэн шу" ("Книга толкования снов") Чжоу Сюаня, жившего при Вэй (Троецарствие, 220-265)⁶². В *сяошо* довольно распространены несколько перечисленных ниже мотивов, связанных с контактами живых и мертвых во сне.

Душа умершего мужа является во сне своей жене, движимая разными причинами, например, может быть обеспокоена судьбой захоронения своего тела. В рассказе "Воин из Сяньяна"⁶³ описывается такой случай. При Цзинь, в начале годов Тай Юань (376-396), в войске военачальника Ян Аня, стоявшем в Сяньяне, умер один солдат, и земляк повез его тело на родину. За день до того, как он должен был приехать на место, умерший явился во сне к своей вдове и сказал, что вышла путаница, и домой везут не его тело, а чужое; узнать же его труп можно будет по узлу волос, который в свое время жена завязала мужу перед расставанием, а он в память о ней сохранил нетронутым. Жена проснулась, и все вышло так, как говорил *гуй* — тело его действительно привезли в другой дом, а к женщине доставили другого.

Бывают случаи, когда во сне к женщине является еще не умерший муж или вообще кто-то третий, выдающий себя за ее мужа.

⁶¹ Способность души умершего к "возвращению" может быть понята в двух смыслах: с одной стороны из "Шо вэнь цзе цзы" нам известно, что "возвращаясь" (歸), люди становятся *гуй* (Комментарий Го Пу): "В древности умерших (*сы жэнь*) называли "вернувшимися" (*гуй жэнь*). — Шо вэнь цзе цзы, Шанхай, 1990, с. 134), а с другой стороны, души умерших обладают способностью "возвращаться" на какое-то время в мир живых.

⁶² Подробнее см., например: Лю Вэнь-ин. Мэндэ мисинь юй мэндэ таньсо (Суеверия, связанные со снами и разыскания в области снов). Пекин, 1989.

⁶³ ТПГЦ, 322.3 Здесь и далее первая цифра означает номер цзюани в "Тай-пин гуан цзи" (ТПГЦ), а вторая — номер рассказа в цзюани. Каталог наиболее распространенных мотивов, связанных с душой умершего, вошел (наряду со значительным количеством переводов) в мою статью "Представления о душе умершего (*гуй*) в старом Китае по письменным источникам до XII в.", переданную несколько лет назад в издательство Уральского университета в г. Екатеринбурге для опубликования в сборнике "Человек. Культура. Философия. Вып. 2: Грани духовности", который до сих пор не увидел свет.

В рассказе "Фэй Цзи"⁶⁴ описывается именно такой случай. Торговец по имени Фэй Цзи остановился со своими товарищами на ночь у горы Лушань, и они стали беседовать о том, кто сколько не был дома. Цзи сказал, что не видел жену уже несколько лет, а на прощание взял у нее золотую шпильку, да забыл перед уходом на окне дома. В ту же ночь он явился во сне к жене и рассказал ей, что уже два года, как убит разбойниками. В доказательство же правдивости своих слов добавил, что оставляет взятую у нее шпильку на окне. Жена проснулась, глядь — а шпилька и впрямь на окне лежит! Она поверила, что ее муж погиб, и надела траур. Через год с небольшим явился живой и невредимый Цзи. Кто выдал себя за него — об этом в рассказе не сказано. Можно предположить, например, что один из спутников Цзи, тех, с которыми он ночевал у Лушани, был не человек, а душа умершего, которая и пришла к его жене во сне.

В свою очередь душа умершей жены может явиться во сне мужу, не будучи в силах с ним расстаться. В качестве примера можно привести много рассказов, ограничусь одним — "Лю Чжао"⁶⁵, где жена приходит во сне к мужу и дарит ему на память о себе цепочку. Может жена прийти к мужу, разгневанная каким-нибудь его поступком. Люй Лунь, схоронив жену, вторично женился на ее младшей сестре. И вот однажды во сне покойная явилась к Шуню и легла с ним. Она была холодна, как лед. Стала мужа ругать, корить за то, что женился на ее сестре. После этого разговора, кстати, Шуня нашли мертвым⁶⁶.

Душа умершего является во сне и другим людям, с которыми при жизни ее связывали дружеские узы, с целью помочь. Такие рассказы часть имеют буддийскую окраску. В рассказе "Юань Бин"⁶⁷ умерший Бин приходит к другу во сне и дает ему совет, как вести себя, чтобы после смерти не быть наказанным за прижизненные поступки. Он советует более внимательно относиться к буддийским заповедям, поскольку на своем опыте убедился в их действенности. "Виденное мною раньше не во всем согласовывалось с тем, о чем говорится в канонах, и я полагал, что это совершенномудрые специально сгустили краски. Ныне же я вижу, что в проверке на добро и зло нет

⁶⁴ ТПГЦ, 316.10

⁶⁵ ТПГЦ, 316.7

⁶⁶ ТПГЦ, 322.4

⁶⁷ ТПГЦ, 326.1

ничего необычайного. Потому строже всего и запрещено лишать жизни живые существа", — сказал Юань Бин другу⁶⁸.

Душа умершего, явившись во сне к другу, может выступать в роли посланца с того света, и приходит с тем, чтобы забрать друга с собой, поскольку срок его жизни вышел. Дун Гуань, прекрасно, кстати, владевший искусством гадания по знамениям сил *инь* и *ян*, водил дружбу с буддийским монахом Лин-си, и вот Лин-си умер. Однажды он во сне явился к Дун Гуаню. "Испугавшись, Гуань с неприязнью произнес: "Душа наставника, зачем ты явилась сюда?" "Срок твоей жизни истек, — с улыбкой отвечал Лин-си. — Вот я и пришел за тобой". Он потянул Гуаня за рукав. Гуань встал, оглянулся — а тело его лежит ничком на кушетке, будто спит глубоким сном. "Ой-ой! А дом мой так далеко отсюда, да и родители еще живы! — запричитал Гуань. — Если я сегодня здесь умру, кто же тогда похоронит отца и мать?!" "К чему так расстраиваться из-за каких-то заблуждений? — возразил ему Лин-си. — Что зависит от человека? Только способность двигать руками и ногами, видеть и слышать. Только-то!"⁶⁹. И Лин-си забрал Гуаня в загробный мир.

Может душа умершего обратиться во сне к другу с просьбой — например, просит его помочь родным перевезти тело на родину, поскольку в семье умершего для этого нет средств и т. д.⁷⁰

5

Однако гораздо чаще явление души умершего родственникам и друзьям происходит на яву, и такой контакт более продолжителен, чем во сне. В рассказе "Сяхоу Сюань"⁷¹ описывается случай, когда душа умершего главы семьи является домой после казни. Сыма Цзин-ван, казнил Сяхоу Сюаня, и родственники казненного, как и надлежало по обычаю, соорудили алтарь, стали приносить усопшему жертвы. Тут же появился Сюань — сняв голову, он стал запихивать [жертвенную] пищу прямо в горло. Потом насадил на место голову и сказал, что подаст на казнившего его Сыма жалобу загробным властям, и того накажут. И действительно, вскоре Сыма Цзин-ван умер, не оставив наслед-

⁶⁸ ТПГЦ, с. 2585

⁶⁹ ТПГЦ, 346.12, с. 2743

⁷⁰ ТПГЦ, 332.6

⁷¹ ТПГЦ, 317.10

ника. Похожий случай описан в рассказе "Цзя Юн"⁷², где убитый разбойниками Цзя Юн возвращается домой на коне, тоже без головы, а голос у него доносится из живота. Казненный Дун Шоу-чжи⁷³ ночью после казни явился домой к жене. Горько вздыхая, и не отвечая на расспросы жены (которая еще не знала о гибели мужа), Дун обошел вокруг корзины с курами и исчез за воротами, а вышедшая со светильником жена нашла в корзине для кур большое количество крови. Утром ей принесли весть о смерти мужа.

Душа умершего мужа приходит к жене с тем, чтобы возобновить с ней прежнюю супружескую жизнь. Утонувший в Янцзыцзяне Юй Сун через самое короткое время вернулся домой и зажил с женой прежней жизнью — словно и не умирал. Жена же, боясь его, звала служанку ночевать в свою комнату. Из-за этого муж сердился и ругал ее. Однажды, когда разговор зашел о деньгах, и выяснилось, что их нет даже для того, чтобы купить еды сыну, муж сказал: "К сожалению, я слишком рано покинул этот мир и обрек тебя на нищенское существование", — и дал жене две связки монет, чтобы она смогла купить еды. А через год и жена его умерла.

Душа умершего мужа может явиться домой, обеспокоенная поведением своей жены после его смерти. Один человек из Пучэна умер в пути. А в доме его хранился цзинь (около полукилограмма) золота, который жена после его смерти утаила от домашних для своих целей. Через год умерший с плачем явился домой, рассказал о золоте матери, а потом, взяв нож, обратился к супруге: "Почему ты не отдала мое золото матушке, а спрятала?!" — и хотел было убить женщину, но вмешалась мать: "Ты ведь умер, а хочешь убить человека. Непременно скажут, что убийца — я!"⁷⁴. А вот какой случай описан в другом рассказе: некто Сыма И, смертельно заболев, позвал жену и сказал ей: "Когда я умру, ты второй раз замуж выходить не смей, а то убью!"⁷⁵. Жена обещала, но когда Сыма умер, ответила согласием на предложение соседа. Тут же верхом на лошади в ворота въехал Сыма И, выстрелил в жену из лука и чуть не убил. Когда же женщина оправилась от раны, то от бывшей ее красы не осталось и следа⁷⁶.

⁷² ТПГЦ, 321.13

⁷³ ТПГЦ, 327.9

⁷⁴ ТПГЦ, 355.5, с. 2811

⁷⁵ ТПГЦ, 321.7, с. 2545

⁷⁶ То же бывает и в отношении жены к мужу: некий Юань дал лежащей на смертном одре жене клятву не жениться в другой раз, но как только она умерла, тут же женился.

Душой умершего может овладеть желание навести порядок в делах. Умерший Ли Цзай через день после смерти вновь ожил. Домашние собрались вокруг него, стали кормить, расспрашивать и всячески тормошить. Ли объяснил, что уже умер, но вернулся, поскольку встретил в загробном мире свою первую жену, госпожу Цуй, а та, узнав, что Ли женился во второй раз, жутко разгневалась, и Ли, опасаясь, как бы она не навредила чем-либо его новой жене, вернулся. Он совершил раздел имущества, отослал жену в дом ее родителей, а после этого снова умер⁷⁷.

Душой умершего может двигать забота о детях. Умерший отец, вернувшись домой к детям, обращается к ним, как правило, с наставлениями. Некий Хуа И, спустя семь лет после смерти невидимый вернулся домой. Был слышен только его голос, но после многочисленных просьб домашних он появился. Стал наставлять двух своих сыновей, говоря, что его жизнь была так коротка потому, что он при жизни совершил некоторые проступки⁷⁸.

Душа умершего, вселившись в живого человека, может говорить его устами. Очень часто это происходит именно с родственниками, в частности, есть ряд рассказов, где душа умершего отца вселяется на время в своего сына и говорит с его помощью. Чиновник Гунсунь Да умер. В похоронной церемонии принимали участие все его родственники, а также все чиновники из управления, которым заведовал Гунсунь. Вдруг — сын Да заговорил голосом отца (*ху цзо лин юй инь шэн жу фу*). Дух усопшего через сына велел всем перестать плакать и стал давать наставления ("и сказал более тысячи слов"), а потом потребовал кисть и бумагу, исписал целый лист, бросил его наземь и только тогда ушел⁷⁹.

Часто душа умершего отца возвращается домой, как посланец из загробного мира, чтобы забрать с собой души тех родственников, чей срок жизни вышел⁸⁰. Это похоже на аналогичные случаи во сне.

Покойная явилась и нанесла ему сильную рану ножом: "Вы ведь клялись в верности, что же не держите слово?!" (ТПГЦ, 322.12, с. 2555).

⁷⁷ ТПГЦ, 338.7

⁷⁸ ТПГЦ, 322.16

⁷⁹ ТПГЦ, 316.2 А вот какое описание дается в рассказе "Го Фан" (ТПГЦ, 320.1): "Его малолетний сын вдруг слег, словно пораженный болезнью, перестал узнавать окружающих и его устами стал говорить дух. Голос был как у отца" (с. 2542). Т. е. войдя в чужое тело, дух тем не менее сохраняет способность говорить своим прижизненным голосом, отличным от голоса того, в чье тело он вселился.

Бывает, душа главы семьи желает помочь родным, оставшимся без кормильца, советом или предсказанием и т. д.⁸¹

Душа умершей жены тоже может вернуться к живому мужу, будучи тронута его безутешным горем. Приведу весьма любопытный пример. Некий Ху Фу-чжи и его жена десять лет прожили вместе, и вдруг жена умерла. У них не было детей, и из-за этого Ху безутешно горевал. "Внезапно жена поднялась и села: "Ваше, государь, горе так тронуло меня! Тела моего еще не коснулось тление, поэтому мы можем воспользоваться этим свиданием. Если вы соединитесь со мной как при жизни, то я рожу вам, сударь, сына", — сказала она и снова легла. Фу-чжи поступил, как она сказала и, не зажигая света, в темноте слился с нею"⁸². И действительно, через десять месяцев жена (а все это время она лежала на одре смерти) родила ему сына, а уж после этого снова умерла.

Душа жены может прийти к мужу, чтобы попрощаться с ним перед разлукой. Такой случай описан, например, в рассказе "Хуань Дао-мин"⁸³, где покойная жена пришла к мужу и провела с ним целую ночь на одном изголовье. Она пришла попрощаться, поскольку ей уже назначили новое перерождение. Интересно, что жена, вернувшись домой, не смогла обойти входной экран, соорудившийся перед входом во дворик, чтобы злые духи не могли проникнуть в жилище. Только с помощью мужа она смогла войти — он вышел с лампой из дома и увидел ее руку, высовывающуюся из-за экрана. В рассказе же "Ван Гуан-бэнь"⁸⁴, в отличие от вышеприведенного, где действие происходит ночью, жена возвращается домой среди бела дня, тронутая тем безутешным горем, каким охвачены все ее домашние. Любопытно, что, кроме ее бывшего мужа, умершую более никто не видит, хотя голос слышат. "У людей и душ умерших разные пути, и я не могу задерживаться надолго. О, как это печально!"⁸⁵

Не найдя после смерти успокоения, душа умершей женщины может, невидимая, явиться домой и производить всякие безобразия. Вскоре после того, как чиновник Мэн Сян схоронил жену, в его доме сами собой начали распахиваться двери и окна, были слышны дикие

⁸⁰ ТПГЦ, 337.3, и др.

⁸¹ ТПГЦ, 325.16

⁸² ТПГЦ, 321.12, с. 2548

⁸³ ТПГЦ, 319.2

⁸⁴ ТПГЦ, 330.4

⁸⁵ ТПГЦ, с. 2620

завывания, в воздухе, в опасной близости от людей, неизвестно кем брошенные, пролетали ножи и т. д. Невидимый дух жены Мэн Сяна опознали по звукам ее голоса. Выяснилось, что она не находит успокоения из-за того, что в юности убила курицу. Только после вмешательства даоса, владеющего искусством заговоров, все прекратилось⁸⁶.

Может вернуться домой и душа умершей матери, обеспокоенная тем, как сложится судьба её детей после смерти, или просто тоскуя по ним. Жена военачальника Чжана умерла, оставив пятерых сыновей. Чжан вскоре женился во второй раз; новая жена оказалась женщиной жестокой, она стала тиранить сирот. Даже плетью их била. Доведенные до крайности, дети пришли с плачем на могилу матери, и та вдруг вышла к ним из могилы. Она передала детям стихотворение для их отца, которое написала на своем белом головном платке. В стихотворении она говорила мужу, как мучаются их дети. Отец их защитил⁸⁷. А житель Чанъаня (ныне г. Сиань) Ма Чжэнь однажды услышал стук в ворота и, выйдя, обнаружил мальчика с ослом, который нагло утверждал, что какая-то женщина наняла его осла с тем, чтобы доехать сюда с восточного рынка, вошла в дом, и он теперь ждет денег. Ма очень удивился, так как никто за это время в доме не появился, но требуемую сумму заплатил и отпустил мальчика. Такая же история повторялась еще четыре раза, пока, наконец, Ма не подкараулил эту женщину, оказавшуюся его матерью, умершей одиннадцать лет назад⁸⁸.

В рассказе "Ван Бао-чжи"⁸⁹ описывается случай, когда к уже взрослому сыну приходит умершая мать, чтобы предупредить об опасности. "Если в тот день, когда ты увидишь белую собаку, ты сможешь уехать на восток за тысячу *ли* отсюда и прожить там три года, то избежишь беды!"⁹⁰ На другой день Ван действительно увидел такую собаку и, не мешкая, уехал на восток от того места, где жил. Через три года вернулся, и к нему снова явилась мать. Она сказала что, поскольку Ван сделал все правильно, то доживет теперь до восьмидесяти лет. Так и случилось.

⁸⁶ ТПГЦ, 325.2

⁸⁷ ТПГЦ, 330.5

⁸⁸ ТПГЦ, 333.7

⁸⁹ ТПГЦ, 320.10

⁹⁰ ТПГЦ, с. 2538

В ряде рассказов описаны представляющие интерес случаи, когда душа умершей невесты, при жизни не успевшей вступить в брак, приходит в дом жениха и справляет с ним свадебный обряд, причем жених прекрасно осведомлен о смерти своей суженой. Дочь одного князя полюбила юношу по имени Хань Чжун и дала ему слово выйти за него замуж. Хань Чжун заслал сватов к ее отцу, князь в гневе их выпнул. Девушка в отчаянии удавилась. Ее похоронили. А Хань Чжун в это время был в княжестве Лу⁹¹, где учился, и вернулся оттуда только через три года. Родители рассказали ему о смерти возлюбленной, и юноша с рыданиями явился к ней на могилу и принес жертвы. Тут появилась умершая. Хань Чжун в восторге привел ее домой. За три дня были проведены все необходимые обряды, и они стали супругами. Дева подарила Ханю жемчужину и ушла. Тогда Хань явился к князю, ее отцу, и обо всем ему рассказал. Князю пришлось признать юношу своим зятем⁹².

Среди "возвращающихся" бывают и прочие младшие члены семьи, обеспокоенные, как и старшие, судьбой захоронения своего тела. Именно поэтому возвращается домой сестра Ли Ина, умершая и похороненная на чужбине. Она сообщает брату, что разбойники разорили ее могилу⁹³. Причиной может стать и договор, который заключила умершая (умерший) перед смертью с каким-либо своим родственником или другом. Так, в рассказе "Вэй Хуан"⁹⁴ говорится о том, как жена начальника уезда Чжоу, госпожа Вэй, уговорила с младшей сестрой мужа, что та из них, которая умрет раньше, придет потом рассказать о загробном мире. И вот, родив двух дочерей, Вэй умерла, а через месяц неожиданно вернулась, невидимая, домой и стала разговаривать с домашними, сообщила, что уже побывала на приеме у владыки ада Яньло-вана.

Душа умершего сына возвращается домой к родителям. Такой случай описан, например, в рассказе "Ван Мин"⁹⁵. Сын Ван Мина через год после смерти неожиданно вернулся домой, созвал всех родственников и стал с ними беседовать о былом. Он сказал, что после смерти каждый искупает преступления, совершенные при жизни, а также посоветовал, как уберечься от душ умерших, приходящих за

⁹¹ Располагалось на территории современной провинции Шаньдун.

⁹² ТПГЦ, 316.1, см. также ТПГЦ, 324.12 и др.

⁹³ ТПГЦ, 336.5

⁹⁴ ТПГЦ, 327.1

⁹⁵ ТПГЦ, 320.9

теми, кто должен умереть — сделать в доме высокие пороги, тогда *гуй*, придя в дом, споткнется, упадет и забудет, за чем пришел.

В ряде рассказов описывается **возвращение души умершего наяву к своим друзьям**. Придя к приятелю (который, как правило, ничего еще не знает о смерти друга и потому реагирует спокойно на его появление), *гуй* беседует с ним как при жизни, ничем не выдавая своих отличий от живого. Ань Фэн и его друг Сюй Кань, оба способные и эрудированные молодые люди, собрались ехать вместе на экзамены в Чанъань, но Кань, отличавшийся почтением к родителям, не смог расстаться с матерью, и Ань тогда поехал один. В Чанъани он пробыл десять лет и все это время безуспешно пытался сдать экзамены и пробиться в ряды чиновников. Вдруг неожиданно приехал Сюй Кань. Обрадовавшись друг другу, они несколько дней провели вместе на постоялом дворе и все беседовали, не переставая. Потом Сюй сказал, что уже год, как покинул родной дом, и очень беспокоится, как там без него старая мать. Он предложил Аню возвращаться домой вместе с ним, но тот отказался, сославшись на то, что еще не добился желаемого⁹⁶. Друзья расстались, и только потом Ань узнал, что его друг три года назад умер. Впрочем, Сюй намекал ему на это в стихах, последняя строчка которых была: "И у [Желтого] источника позабыть бывшее трудно"⁹⁷. Нередко душа умершего идет и на обман друга. Так, приятель Син Цуня Чжу Гуань, тяжело заболев, вдруг внезапно явился к Сину. Тот, конечно, спросил, как Чжу себя чувствует, и Чжу сказал, что болезнь прошла, тогда как на самом деле он умер, о чем Син еще не знал⁹⁸.

Нередко *гуй* дает другу совет или предсказание. Чаще всего, это совет следовать учению Будды и, главным образом, не причинять вреда живым существам. Умерший Юй Шао-чжи пришел к другу в колдовках и весь избитый. Он сказал, что пришел дать совет, поскольку при жизни они были в очень хороших отношениях. "Нельзя убивать живые существа. А если не можете порвать с этим, тогда хотя бы не

⁹⁶ В сборнике Чжан Ци-сяня (934-1014) "Записки когда-то слышанного о лоянском чиновничестве" (Лоян цзиньшэнь цзю вэнь цзи) есть рассказ "Душа отца Су Куя из Тай-хэ", где душа умершего отца предложила ехать вместе с ней одному чиновнику, направлявшемуся служить под начало его сына, но, немного не доехав до места, *гуй* попросил чиновника дальше ехать одному и сообщить сыну о его приближении, чтобы была подготовлена встреча. Ничего не подозревая, чиновник поехал и обо всем доложил. Выяснилось, что отец его начальника уже десять лет как умер. В кн.: У Цзэн-ци. Старые сяошо (Цзю сяошо). Шанхай, 1958, т. 4, отдел *дин*, с. 94-95.

⁹⁷ ТПГЦ, 344.5, с. 2727

⁹⁸ ТПГЦ, 351.1

забивайте быков! Когда же будете есть мясо, воздерживайтесь от сердца... Ведь сердце — это хранилище духа. Такое преступление — особенно тяжкое"⁹⁹. Уходя, Юй попрощался с другом и сказал, что через три года они встретятся, имея в виду, что через три года друг тоже должен умереть. Так и вышло. В некоторых рассказах описываются случаи, когда не обыкновенный мирянин, убедившийся в действенности принципа воздаяния, а умерший буддийский наставник (*фаши*) возвращается к другу, чтобы поделиться собственным, если можно так выразиться, загробным опытом, подтверждающим правдивость учения Будды¹⁰⁰. Буддийский же запрет на мясо обыгрывается в разных ситуациях, когда души умерших (чаще адептов буддизма) приходят к друзьям поделиться своим горьким опытом: "При жизни я не мог отказаться от мяса, а теперь угодил в Ад Голодных Собак (*э гоу юй*)!"¹⁰¹.

Душа умершего часто помогает друзьям. И это не всегда та помощь, какую друг мог бы ожидать: в ряде рассказов описываются ситуации, когда душа умершего оказывает живому другу такие услуги, каких от нее никто не просит, причем, делает это из самых лучших побуждений. Вот, например, рассказ "Ван Чжи-ду"¹⁰². Ма Чжун-шу и Ван Чжи-ду были очень дружны, потом Ма умер, а через год появился и заявил, что его очень заботит то обстоятельство, что Ван до сих пор не женат, и что решение этого вопроса он берет на себя. Ма пообещал, что женит Вана и установил даже срок, когда привезет невесту, велел сделать к этому времени необходимые приготовления. В назначенный день вдруг начался сильнейший ураган, стемнело, а когда вихрь промчался, Ван в своей спальне обнаружил девушку. Когда она очнулась, выяснилось, что девушка эта из Хэнани, и сюда ее принес ураган. Усмотрев во всех этих событиях волю неба, Ван и девушка поженились.

6

Душа умершего может прийти в мир людей не только к знакомым при жизни людям, но и к совершенно посторонним, и это тоже возвращение — в том смысле, что душа умершего стремится вернуться к нормальной человеческой жизни. Незнакомым людям гуй также мо-

⁹⁹ ТПГЦ, 321.10, с. 2547

¹⁰⁰ см.: ТПГЦ, 322.13, и др.

¹⁰¹ ТПГЦ, с. 2569

¹⁰² ТПГЦ, 322.8

жет являться как во сне, так и наяву; на короткое и на достаточно долгое время, в первом случае, как правило, к больному человеку. Рассмотрим некоторые характерные случаи явления души умершего **во сне**:

Душа является, чтобы обратиться с просьбой. Так было с больным военачальником Сыма Тянем, к которому во сне явился старец, назвавшийся Дэн-гуном (а рядом с тем местом была кумирня Дэн И¹⁰³, представлявшая из себя травяную хижину). Старец обратился с просьбой отремонтировать кумирню, и Сыма распорядился покрыть крышу черепицей¹⁰⁴. Заметим, что дух попросил не первого встречного, а чиновника, занимающего немалую должность, т. е. человека, по своему служебному положению вполне способного выполнить и не такую просьбу.

Душа умершего может также явиться во сне, привлеченная талантами человека. Так было с Дуань Вэнь-чаном, который, заночевав в лодке, вечером стал играть на цине и вдруг услышал чьи-то вздохи снаружи. Перестал играть — и вздохи прекратились. Выглянул — никого. Заиграл — опять кто-то вздыхает! Ночью ему приснилась девушка, которая рассказала о своей трагической судьбе: у нее умерли родители и она сама была вынуждена покончить с собой. Родители девушки были мастера играть на цине, и вот, услышав игру Дуаня, девушка вспомнила былое и очень расстроилась¹⁰⁵.

В целом ряде случаев душа умершего является к незнакомому ей человеку **наяву** на краткое время. Приведу несколько примеров:

Душа умершего танцует и поет. Некий человек ночью видел в городе Яочэне двух гуй — каждый ростом более чем в три чжана (т. е. более десяти метров), которые танцевали и пели. Попели и исчезли¹⁰⁶.

Душа умершего кричит. Подобный случай описывается, например, в рассказе "Ни Юань-чжи"¹⁰⁷. Некий человек ростом немногим более восьми чи (т. е. около двух с половиной метров) появляется по ночам и кричит печальным голосом до самой полуночи. Потом

¹⁰³ Дэн И (197-264), полководец парства Вэй (220-265). Прославился своими подвигами. В 263 году вместе с Чжун Хуэем (225-264) уничтожил царство Шу. В 264 году был оклеветан и казнен.

¹⁰⁴ ТПГЦ, 318.19

¹⁰⁵ ТПГЦ, 341.7

¹⁰⁶ ТПГЦ, 346.7

¹⁰⁷ ТПГЦ, 330.14

исчезает. Эти и подобные им случаи (так, душа умершего может, например, танцевать или бегать вокруг какого-то места и т. п.) происходят, как правило, на могиле *гуй* или в непосредственной близости от могилы, или же на том месте, где брошены без захоронения останки этой души¹⁰⁸.

Душа умершего оставляет свои стихи. Монах одного из буддийских храмов в Сучжоу однажды ночью увидел двух людей в белых одеждах, которые поднялись на башню этого же храма. Монах долго ждал, но они так и не спустились вниз. Тогда монах поднялся вслед за ним на башню, но никого там не обнаружил. Днем же он нашел на стене три стихотворения, которые написали ночью те *гуй*. Одно из стихотворений начинается так::

"У мира светлого и темного разные пути.
Когда-то мы, недостойные, умели стихи слагать.
Коль хочешь знать, где мы уединенно спим,
Знай — к северу от гор две одинокие могилы есть.
Гудит в высоких соснах тоскливый ветер,
Свистит он чисто и печально так..."

Рассказ заканчивается упоминанием о том, что эти стихи и до сих пор можно видеть на стене той башни¹⁰⁹.

Часто стихи *гуй* могут быть приурочены к какому-либо празднику, например, к празднику холодной пищи¹¹⁰, который для душ умерших очень актуален, ибо посвящен непосредственно им. В качестве автора стихов *гуй* ведет себя как обычный китайский книжник. А вот душа умершего в юные годы Чжан Жэнь-бао повадилась приходить домой каждый праздник и писать на воротах стихи, после чего стучать в ворота и исчезать. Вот что он написал в день *ханьши*:

"Во всех домах в день ханьши не зажигают огня.
С дикой груши ветер срывает нежные лепестки.
Душа моя сиротливо мечется в пространстве пустом..."¹¹¹

¹⁰⁸ "Те души умерших, которые в китайских рассказах производят звуки и появляются часто как рыдающие души, обычно протестуют против страданий при жизни или против самой смерти, и пытаются установить связь с живыми" (Antony C. Yu, Ibid., p. 407).

¹⁰⁹ ТПГЦ, 338.3, с. 2682

¹¹⁰ ТПГЦ, 354.6

¹¹¹ ТПГЦ, с. 2804

Душа умершего может явиться незнакомому ей человеку как безмолвный предвестник дурного: Лю Лан-цин как-то увидел высокого господина в очень внушительном одеянии. Господин стоял молча и на испуганные расспросы Лю не отвечал. Потом исчез, а через некоторое время после этого Лю был за проступок отправлен в ссылку¹¹². Более того, душа умершего может явиться как предвестник смерти. Некий человек по фамилии Лю как-то увидел странное существо: "морда как у льва, щеки заросли белым волосом, ростом в чи с небольшим (т. е. немногим более 30 см. — И. А.), а руки и ноги человеческие"¹¹³. Часто в таких рассказах фигурируют исторические лица — например, знаменитый поэт Се Лин-юнь (385-433), к которому незадолго до смерти пришел казненный перед этим Се Хуэй (390-426), держа в руках свою голову¹¹⁴.

Однако душа умершего может явиться к незнакомому ей человеку и как предвестник добра, но это нетипично. В рассказе "Лю Чэн"¹¹⁵ читаем: "Живший в пятом году цзиньского девиза правления И-си (409 г.) Лю Чэн постоянно видел души умерших и стал помощником начальника области". Впрочем, потом Лю видит странного мальчика, через несколько дней после чего случается большой пожар. Кстати, способность видеть души умерших присуща героям некоторых других рассказов (из чего можно сделать вывод, что про определенных людей в старом Китае было известно, будто они обладают способностью видеть то, что не видно простым глазом). Такой дар обретается в результате определенных достижений в овладении истинным Путем или дается от природы. Так, некий Ху "мог видеть гуи. Даже если и не хотел, все равно ничего не мог с этим поделать"¹¹⁶. Или: "Сяхоу Хун, по его собственным словам, видел бесов и разговаривал с ними"¹¹⁷. Вот как этот Сяхоу Хун использовал свой дар. Он вернул к жизни лошадь своего приятеля Се Шана: "Ваша лошадь привела в восхищение духа храма, и он забрал ее себе. Сейчас она оживет"¹¹⁸. Потом

¹¹² ТПГЦ, 326,3

¹¹³ ТПГЦ 326.6, с. 2588

¹¹⁴ ТПГЦ, 323,7

¹¹⁵ ТПГЦ, 320.15

¹¹⁶ ТПГЦ, с. 2525

¹¹⁷ 17-ый рассказ из 2 цзюани сборника Гань Бао "Записки о поисках духов", пер. Л. Н. Меньшикова. — Пурпурная яшма. Китайская повествовательная проза I-VI веков. М., 1980, с. 138.

для того же Се Шана выяснил, почему у него нет детей мужского пола. "В молодости он поклялся служанке из того же дома, что кроме нее ни с кем в брак не вступит, но уговор нарушил. Ныне эта служанка умерла и на небесах подала на него жалобу. Вот почему у него нет сыновей," — ответил Сяхоу спрошенный им гуй (там же). Заканчивается же рассказ о Сяхоу интересным эпизодом, связанным с представлениями китайцев о том, как распространяются болезни. Сяхоу однажды увидел (конечно, благодаря своему дару) здоровенного гуй с коньем, за которым следовали более мелкие. Схватив последнего, Сяхоу от него узнал, что шествие олицетворяет собой сердечную болезнь, которая вот-вот с помощью этих гуй и, главным образом, от этого коня распространится среди местного населения. Выяснив, какое от грядущей болезни есть средство ("Надо черную курицу приложить, и напасти как не бывало!"), Сяхоу поспешил пустить его в ход и многих заболевших спас.

Душа умершего охотно помогает человеку, когда он обращается к ней с просьбой о помощи. Так, застигнутый снегопадом и вынужденный поэтому ночевать в лесу человек обратился с просьбой к душам умерших охранять его сон, и те всю ночь сторожили его. Другой гуй помогает деньгами сироте¹¹⁹ и т. д. Но если человек не понимает, что душа умершего пришла ему помочь, и отвергает эту помощь, то дело оборачивается к худшему. Так было с военачальником Чжао, который, сильно заболев, увидел человека в желтом платье, который подошел к треножнику, где сын Чжао готовил лекарство для отца, достал пилюлю белого цвета и бросил в лекарство. Всего этого сын Чжао не видел, и Чжао ему рассказал. Сын, думая, что гуй добывается смерти отца, выпил лекарство и стал готовить другое. Через некоторое время снова появился тот человек и снова бросил свою пилюлю в лекарство. Лекарство снова вылили. Больше дух не появлялся, а Чжао через несколько дней умер¹²⁰.

¹¹⁸ Пурпурная яшма., с. 139

¹¹⁹ ТПГЦ, 331.9; ТПГЦ, 320.14

¹²⁰ ТПГЦ, 346.2. Души умерших иногда пытаются оказывать живым услуги, которых от них никто не ждет: "Цзиньши Дуань Хэ жил в арендованном помещении квартала Кэуфан. На восьмой год Тай-хэ он целый месяц пролежал больной, и только потом ему стало немного лучше. Как-то днем он вымыл волосы, сидел и расчесывал их гребнем, опершись о столик. Вдруг из щели в стене вылез какой-то человек — совершенно голый, он безо всякого стеснения встал перед Хэ. Внимательно его оглядел, а потом говорит: "Ну вот, заболели, а жены нет, некому за вами ухаживать! Ну а если умрете, тогда как?" Сообразив, что перед ним душа умершего — гуй, Хэ отвечал: "Да я ведь беден, где уж мне жениться!" "Позвольте мне быть для вас госпожой свахой! Тут в одном доме есть девушка — большой красоты и выдающейся добродетели! Все ее родственники занимают высокие посты, а дальней родни у нее не счесть!.. У меня есть средства, так что вы, су-

7

В доме человека заводится гуй. Это весьма частый случай, если учесть стремление гуй к возвращению в мир людей. Так, в доме Чэнь Си-ле завелся гуй, который читал нараспев стихи и пел песни. Стали его спрашивать, кто он и откуда, и что тут делает. "Гуляю в этих местах. Погуляю немного и уйду", — отвечал гуй¹²¹. Потом выразил желание получить в жертву одежду и пищу. Когда ему отказали в требовании, стал ругаться, а вскоре исчез.

Поскольку человек (с семьей) и душа умершего обитают в одном доме (и часто это дом умершего, где теперь живет другой человек), между ними необходимо должны установиться какие-то отношения, и гуй признает превосходство человека, если он имеет заслуги в каком-либо роде деятельности. Военачальник Чэнь поселился в казенном помещении, которое пользовалось дурной репутацией — жившие в нем чиновники заболели и умирали. Чэнь сразу же после переезда среди бела дня стал наблюдать всяких удивительных существ и поначалу пытался с этим бороться: стрелял из лука, бесстрашно бросался на них с мечом или палкой. Так продолжалось довольно долго, и вдруг однажды из воздуха раздался голос: "Я — душа умершего и не желаю жить с человеком под одной крышей. Но вы, сударь, обладаете мудростью и прямоотой, поэтому я хотел бы служить вам как старшему брату. Позволите ли?"¹²². Чэнь согласился, и с этих пор безобразия прекратились. Установив с Чэнем братские отношения, гуй часто вступал с ним в беседы, предупреждал, когда должно было

дарь, можете не беспокоиться о свадебных подарках" — сказал этот человек. Хэ отвечал: "Да я ведь еще, как говорится, не создал себе имени, у меня и мыслей о женитьбе нет!" "Уж вы не церемоньтесь! — отвечал тот. — Это ничего, ничего! Сегодня же я устрою вам знакомство". Человек направился к воротам. Через самое короткое время он вернулся. "Уже прибыла!" — сказал он. Тут же вошли четверо, неся вызолоченный паланкин, следом за паланкином — две служанки, одна со взрослой высокой прической, а другая еще с детской, обе — красавицы. Потом — два слуги в синих головных повязках внесли шкатулки с драгоценностями и сундуки с одеждой. Поставили во дворе. Сват велел нести невесту во флигель, затворил за ней дверь и вернулся к Хэ: "Невеста из высокой семьи прибыла! Никаких церемоний совершать не надо. Разве вы против?" Хэ до того разгневался, что ему вдруг стало хуже, и он даже голову не смог оторвать от изголовья. "Вы хоть взгляните разок на невесту", — просил сват. Так он обратился к Хэ еще раз три, но Хэ наотрез отказался..." (ТПГЦ 349.3).

¹²¹ ТПГЦ, 335.4

¹²² ТПГЦ, 355.3, с. 2810

случиться что-то недоброе, а Чэнь приносил ему жертвы, когда *гуй* просил. Такое "мирное сосуществование" вполне типично и может продолжаться бесконечно долгое время — пока человек не умрет или пока загробные власти не переведут *гуй* в другое место. Но в случае с военачальником Чэнем история закончилась иначе: Чэнь вдруг пригласил мага (фанши), который составил на *гуй* жалобу и сжег ее на алтаре. Такой поступок неожиданен тем более, что *гуй* не делал Чэню ничего дурного, а напротив — приносил пользу, да и сам *гуй* тоже не понял, что произошло: "Мы с вами, сударь, стали братьями, как же могли вы подать доклад с жалобой на меня?! Разве так поступают великодушные мужи, связанные дружескими узами?" Однако *гуй* все же пришлось уйти. Видимо, он ошибся, и не такой уж мудрый и прямой человек оказался Чэнь.

Появившись в доме, душа умершего может преследовать самые различные цели, и первейшая из них — получение жертвоприношений, что вполне понятно, ибо именно таким способом *гуй* может себя поддерживать. Принимая во внимание ту жизненную важность, какую для души умершего имеют жертвоприношения, легко понять, почему для достижения этой цели *гуй* часто прибегает к своей волшебной силе. Так, появившаяся в доме Чэнь Цинь-суня душа умершего обратилась к хозяину с требованием принести в жертву имеющуюся у Чэня в хозяйстве черную корову. *Гуй* пригрозил, что в противном случае убьет через двадцать дней сына Чэня, но тот на все требования отвечал: "Для жизни человеческой установлен срок, и от тебя он не зависит!"¹²³. В назначенное время мальчик действительно умер. Тогда *гуй* пригрозил убить и жену Чэня. Чэнь твердо упорствовал, коровы не отдавал, и жена действительно умерла. *Гуй* явился снова и сказал, что теперь убьет уже самого Чэня, но тот оставался непреклонен. И вот, прошел уже указанный *гуй* срок, а он все не умирал. Тогда *гуй* пришел и стал каяться: "У вас, сударь, сердце твердое, значит, вам суждено большое счастье! Никому не рассказывайте обо всем этом, а то узнают Небо и Земля, и мне не поздоровится. Все дело в том, что я видел, как чертенок-посыльный нес указ канцелярии, где было сказано, что срок жизни ваших сына и жены уже подошел к концу, я и решил воспользоваться этим и вытребовать у вас еду!"¹²⁴. А некий Цзян Ци-

¹²³ ТПГЦ, 318.21, с. 2512

¹²⁴ Подобную же стойкость перед запугиваниями проявил и Чжоу Нань, живший при Вэй в годы Чжэн-ши (240-249), когда в его канцелярии с некоторого времени стала появляться мышь в чиновничьем платье и, важно расхаживая, говорить, что тогда-то и тогда-то Чжоу должен умереть. Чжоу игнорировал ее слова и угрозы. Так повторялось уже несколько раз, а Чжоу не умирал. Кончилось все тем, что мышь в сердцах сказала: "Коли ты, Чжоу Нань, не веришь, что я могу поделаться?!" — и слыхла. Осмотрели —

взнь после смерти появился верхом на белом коне (цвет траура) в сопровождении свиты и заявил жителям округа, в котором ранее жил: "Если я стану духом этой местности, то осчастливорю здешний народ. Не откажитесь оповестить население, что оно должно установить мне жертвоприношения. Иначе я наплюю беды"¹²⁵. И он действительно выполнил свою угрозу — сначала разыгралась эпидемия, потом стали возникать пожары, и так продолжалось до тех пор, пока, по распоряжению начальника, Цзяну не построили храм и не начали в этом храме приносить жертвы. Не совсем ясно, в состоянии ли все души умерших влиять, безо всяких причин со стороны человека, на срок его жизни и вообще на судьбу. Во всяком случае, если души умерших и имеют такие возможности, то они принадлежат, по всей видимости, тем *гуй*, которые после смерти имеют для этого достаточно власти, поскольку занимают в загробном мире высокое положение. Потому, наверное, в мире людей такие *гуй* появляются как знатные чиновники в окружении свиты, а не пешком и не в одиночку.

И поскольку души умерших имеют обыкновение запутывать людей, страх перед ними является вполне объяснимым, тем более, что воздействие со стороны *гуй* может выражаться не только в форме прямых угроз и вымогательства, но и чисто визуально — когда **душа умершего предстает перед человеком в некоем необычайном (*и*), пугающем (*гуай*) виде**. При этом стремление *гуй* запугать человека и подчинить его себе не обязательно направлено на достижение какой-то цели; душа умершего может причинять человеку зло и без достаточных для того оснований. Так, в одном рассказе *гуй* странного вида повадился залезать в живот маленькой девочке и оттуда говорить и выкрикивать угрозы. Чуть не замучил девочку до смерти¹²⁶. А *гуй*, заведшийся в доме Янов из Усяня, по виду напоминал обезьяну. Он взял манеру отнимать у людей еду и иными способами всячески изводил хозяев. Ян, разозлившись, погнался за ним с ножом, но *гуй* превратился в жену Яна, а саму женщину превратил в себя, так что Ян в резуль-

мышь как мышь. (См.: Лу синь. Гу сяошо гоучэнь..., с. 125). Уместно будет также сравнить этот рассказ с похожим, под названием "Несгибаемая кисть" (из сборника Лю Фу "Высокие суждения у дворцовых ворот"), где дух богача является, требуя исправить текст своей посмертной стелы и вымарать оттуда слова об его неблагоприятных делишках. Богач также угрожает убить детей, и они действительно умирают, а потом кается перед твердым духом человеком. (См.: Лю Фу. Цин со гао и (Высокие суждения у дворцовых ворот). Шанхай, 1983, с. 122).

¹²⁵ 1-ый рассказ из пятой цзюани сборника Гань Бао. Пер. Л. Н. Меньшикова. Цит. по кн.: Пурунурная яшма..., с. 147.

¹²⁶ ТПГЦ, 320.3

тате зарезал свою же жену¹²⁷. Ясно, что у человека есть все основания не ждать для себя ничего хорошего от встречи с душой умершего.

Однако в ряде рассказов зафиксированы ситуации встречи человека с душой умершего, когда **человек, зная, с кем имеет дело, тем не менее не боится души умершего**. "Жуань Дэ-жу как-то в коридоре встретил *гуй* — ростом более *чжана*, весь черный, с большими глазами. Одет в белые одежды, на голове — повязка. Остановился перед Дэ-жу. Совладав со страхом, Дэ-жу сказал ему с усмешкой: "Правду говорят, что *гуй* и с виду отвратительны!" *Гуй* устыдился и удрал"¹²⁸. Еще чаще люди такого склада (т. е. способные "совладать со страхом") при встрече с душой умершего не только не боятся ее, но даже **нападают первыми, стремясь уничтожить *гуй***. Даос Фа-ли как-то, встретив *гуй* у входа в храм, тут же навалился на него и схватил, привязал веревкой к столбу, а потом принялся избивать палкой. Решив проверить, правду ли говорят, что *гуй* могут превращаться, он закрепил его у того же столба железной проволокой и стал ждать. К вечеру *гуй* исчез. Никаких последствий для монаха все это не имело¹²⁹. Также успешным может оказаться и нападение на невидимого *гуй*. Увидев на полу отпечаток ноги длиной в два *цуня* (т. е. около 6,5 см), чиновник Лю Шу-лунь стал ночью охотиться за невидимым по всему дому с мечом в руках и рубить наугад воздух, и кого-то зарубил — полилась кровь¹³⁰. Эти нападения не спровоцированы душой умершего, хотя часто человек нападает на *гуй*, будучи просто доведен до отчаяния тем, что тот ему вредит или чем-то мешает — как в вышеописанном случае с Яном, или если *гуй* портит его вещи, не дает спать и др.¹³¹ Часто бесстрашие (или присутствие духа), проявленное человеком при встрече с *гуй*, служит доказательством незаурядности человека и предвещает великое будущее. Так, Лу Юй-цин в молодости зимней ночью ехал по полю. Стоял лютый холод, и Лу сильно мерз. Вдруг увидел костер, вокруг которого сидели какие-то люди. Лу подъехал к ним, чтобы немного погреться, но оказалось, что пламя костра холодное. Лу удивился этому и спросил, в чем дело. Сидевшие ему отвечали дружным хохотом. Уяснив, что имеет дело с *гуй*, Лу хладнокровно хлестнул лошадь и ускакал. "Раз вы, молодой господин,

¹²⁷ ТПГЦ, 318.9

¹²⁸ ТПГЦ, 318.20, с. 2521

¹²⁹ ТПГЦ, 327.6

¹³⁰ ТПГЦ, 325.12

¹³¹ ТПГЦ, 323.3, ТПГЦ, 327.11

не побоялись их, вас ждет счастливая помощь! Быть вам богатым и знатным!" — напороочил Лу один из местных жителей. Лу действительно обрел знатность¹³².

Не все нападения на *гуй* оканчиваются для человека столь благополучно или же служат залогом великого будущего. **Часто исходом такого нападения становится и смерть человека.** В рассказе "Ван Чжун-вэнь"¹³³ главный герой увидел некую белую собачку (снова цвет траура). Она до того понравилась ему, что Ван велел взять ее с собой, но тут собака превратилась в человечка совершенно отвратительной наружности. Изумившись, Ван сам принялся лупить его плетью и слугам приказал бить. Человечек исчез, а через месяц Ван и все те слуги, что били человечка, увидели его вновь и умерли¹³⁴. То же случилось и с Лю Цин-суном, который напал на вылезшего из дырки в полу *гуй*. *Гуй* удрал, а Лю заболел и умер¹³⁵.

Следует, видимо, отметить, что подавляющее большинство вышеперечисленных случаев происходит, как правило, без каких-либо разговоров между человеком и душой умершего и в короткий промежуток времени.

8

Человек ночует в доме души умершего. Это происходит тогда, когда человеку, застигнутому в дороге непогодой или ночью, не удастся найти приюта на ночь. Можно сказать, что, пуская человека в свой дом (т. е. видоизмененную волшебным образом на время могилу) переночевать или давая ему приют во время бури, душа умершего оказывает живому доброе покровительство и идет навстречу.

Главный герой в сюжетной прозе *сяошо* на языке *вэньянь* — в первую очередь, мужчина, и только в редких случаях (в основном, в новеллах *чуаньци*) в роли главного действующего лица выступает женщина. Поэтому вполне естественно, что когда мы говорим о предоставлении ночлега путнику, то этим путником в подавляющем числе случаев будет мужчина. А вот предоставлять ему ночлег и выступать в

¹³² ТПГЦ, 328.14

¹³³ ТПГЦ, 319.14

¹³⁴ ТПГЦ, 319.15

¹³⁵ ТПГЦ, 321.6

роли хозяев дома могут как души умерших мужчин, так и души умерших женщин. Рассмотрим некоторые примеры.

Возвращавшегося из столицы Цинь Шу в пути настигла ночь. Цинь сбился с дороги. Завидев вдаль огонек, он поехал на свет в надежде на почлег и вскоре оказался у хижины, в которой жила некая девушка. Не решаясь войти в дом, Шу попросил у нее позволения провести ночь во дворе, но скоро она позвала его в дом и усадила за стол. Видя, что девушка живет совершенно одна, Шу осмелел и обратился к ней с интимным предложением, на что она со смехом согласилась. Они провели ночь на одной подушке, а утром на прощание девушка со слезами на глазах подарила Шу колечко и сказала, что уже более они не увидятся. Отъехав на несколько десятков шагов, Шу оглянулся и вместо хижины увидел могильный холм. А колечко вскоре потерял¹³⁶. В рассказах такого типа следует обратить внимание на несколько характерных моментов. Душа умершей встречает путника (или приглашает) в жилище, которое в тексте характеризуется как бедное: это, как правило, хижина, сооруженная из прутьев и травы (*цао фан*), где нет даже огня в очаге, а часто не бывает и самого очага из-за крайней бедности¹³⁷. Однако в ряде случаев путник может оказаться и в роскошных чертогах — когда останавливается на ночь у умершей женщины, занимавшей когда-то достаточно высокое общественное положение. В рассказе "Цуй Ло-шэ"¹³⁸ описывается случай, когда главный герой, Цуй, проезжая вечером мимо каких-то хором с красными воротами, был остановлен слугой, который сказал, что его хозяйка непременно хотела бы видеть Цуя. Удивленный, Цуй пошел со слугой во дворец и там встретился с красавицей, которая стала потчевать его роскошными яствами. И хотя Цуй понял, что имеет дело не с человеком, он провел с красавицей время до утра в удовольствиях. Наутро она подарила Цую нефритовое кольцо и выпроводила прочь. Когда он отошел немного от дома и оглянулся, то увидел, конечно, могилу¹³⁹.

¹³⁶ ТПГЦ, 324.1

¹³⁷ ТПГЦ, 327.15, и др.

¹³⁸ ТПГЦ, 326.7

¹³⁹ Нерелко, как бы в уплату за ночлег, душа умершей обращается к своему гостю с просьбой. Так, некий Чжан Юй, застигнутый в пути непогодой и темнотой, попросился переночевать в какой-то богатый дом, там его радушно встретила женщина лет тридцати. Она призналась, что давно уже не человек, и стала жаловаться, что ее бывший муж препоручил сироток служанке, которую приблизил к себе, а служанка относится к детям из рук вон плохо и даже бьет их. "Я хотела бы убить эту служанку, да жизненная энергия мертвого так слаба! Поэтому хочу вас просить помочь мне в этом деле. Я щедро вас отблагодарю" (ТПГЦ, 318.11, с. 2518). Поняв эту просьбу как то, что он должен

Таким образом, совершенно очевидно, что в представлениях китайцев между общественным положением при жизни и после смерти существовала прямая зависимость.

Второе неперемненное обстоятельство такого рода встреч — **подарки, которыми обмениваются мужчина и дева-гуй при расставании утром**. Впрочем, путник может и не сделать деве подарка, тогда как она что-то непременно дарит на память о себе — колечко, подвеску на пояс, мешочек для благовоний, веер, стихи и т. п. Через некоторое время подарок может исчезнуть неизвестно куда, а может стать причиной, из-за которой вся история выплывет наружу.

Третье обстоятельство — **такие встречи обычно сопровождаются сексуальными отношениями**. Предложения вступить в отношения подобного рода могут исходить как от гостя, так и от хозяйки. Последняя часто делает это в стихах, недвусмысленно намекая о своем желании:

"Хочу прислуживать я гостю у одеяла.
Хочу пыль стряхивать с одежды вашей"¹⁴⁰.

Пишущие стихи девы-гуй, как правило, отличаются и другими талантами и обыкновенно изображаются как натуры утонченные, склонные к весьма изящного свойства переживаниям, игре на музыкальных инструментах, возвышенной грусти; при этом жилища их отнюдь не убоги¹⁴¹.

Непосредственно к этой группе рассказов примыкает другая, в которой главной темой также является **встреча мужчины и души умершей женщины, но происходящая в каком-то другом месте**. Дева-гуй, например, может сама прийти к мужчине, привлеченная каким-либо его талантом: Ван Гун-бо очень хорошо умел играть на цине и, однажды, заночевав в придорожной беседке, стал любоваться луной и перебирать струны. Вдруг появилась какая-то красавица и сказала, что тоже очень любит игру на цине. Слово за слово — Гун-бо лег с

убить служанку, Юй, конечно, отказался, но женщина заверила, что от него требуется только рассказать обо всем ее мужу. Юй ее просьбу выполнил.

¹⁴⁰ ТПГЦ, с. 2586

¹⁴¹ В рассказе "Ли Инь" (ТПГЦ, 354.15) говорится о том, как душа умершей девушки привлекла к себе внимание юноши стихами, написанными на красном листе. Интересно сравнить этот рассказ с новеллой Чжан Ши "Записки о красном листе", помещенной в сборнике Лю Фу, где своеобразным сватом (правда, между живыми людьми) также выступает красный лист со стихами. Кстати, и в том, и в другом случае текст стихов совпадает (см.: Лю Фу. Указ. соч., с. 51-54).

ней спать. Наутро расстались, обменявшись подарками. Потом оказалось, что это была душа недавно умершей неподалеку от того места девушки¹⁴².

Может **встреча произойти в доме, пользующимся дурной репутацией**: про беседку, что стояла за западными воротами города Жуяна, было известно, что там обитает дух некого умершего, и многие из тех, кто остался там на ночь, заболели и даже умирали. Некий Чжэн Ци, не убоившись всего этого, смело остановился там на ночь и провел ее с какой-то красавицей. Утром в беседку заглянул стражник и увидел рядом со спящим еще Чжэном, на одном изголовье, лежащий труп. Чжэн после этого довольно долго маялся болями в животе¹⁴³. Вообще встреча в "нехорошем" месте несет человеку зло чаще, чем контакт в "доме" покойной.

Особую группу составляют рассказы, **главные герои которых встречаются с известными красавицами прошлого**. Лю Дао и его друг Ли Ши-бин ехали в Ханчжоу. В один прекрасный день они услышали доносящиеся из придорожного леса женские голоса, и тут же из-за деревьев вышла служанка и доложила, что их хотят видеть две дамы. Через короткое время эти дамы тоже появились из леса — это были исключительно красивые, разодетые в дорогие наряды молодые женщины. Приятели стали им кланяться, пригласили разделить с ними трапезу... Как выяснилось, одна из пришедших была известная красавица прошлого Си Ши. Наутро они расстались, обменявшись подарками¹⁴⁴. Вообще встречи с Си Ши довольно часты¹⁴⁵, и характерной особенностью такого рода рассказов является то, что герой, встретившись с известной красавицей прошлого, тут же пользуется случаем **не только вкусить с ней любовь, но и узнать подробно о том времени, когда красавица жила, и расспросить о тех событиях, очевидцем которых она стала и которые, с точки зрения героя, недостаточно освещены в исторических сочинениях**. Героем движет тяга к знанию, а

¹⁴² ТПГЦ, 318.15 Эти души также могут иметь какое-нибудь свойство или некий предмет, выдающий их истинную сущность — так, их тело может быть холодным как лед, при их появлении может возникнуть сильный запах свежей крови или зловоние; могут носить с собой в специальном мешке, куда запрещают заглядывать, собственные кости, и т. д.

¹⁴³ ТПГЦ, 317.8

¹⁴⁴ ТПГЦ, 326.5 Ср. с танской новеллой "Записки о путешествии в Чжоу и Цинь" Ню Сэн-жу (в русском переводе "Путешествие в далекое прошлое"), где главный герой, вернувшись на огонек, сталкивается сразу с несколькими прославленными красавицами разных эпох прошлого и после пира с сочинением стихов устает от близости с одной из них (См.: Гуляка и волшебник. Танские новеллы (VII-IX вв.). М., 1970, с. 206-215).

¹⁴⁵ ТПГЦ, 327.7 и др.

красавица охотно рассказывает ему о прошедших временах¹⁴⁶. Часто красавица пускается в воспоминания по собственной инициативе. Интересный рассказ есть в сборнике Лю Фу — "Записки о теплых ключах"¹⁴⁷. Главный герой, любитель древностей Чжан Юй встречается там с фавориткой танского императора Сюань-цзуна (на троне с 712 по 756 г.) Ян Гуй-фэй. Давно умершая Ян Гуй-фэй, тронутая тем интересом, который питает Чжан к ее трагической судьбе, зовет его к себе в гости, и они долго беседуют о блистательном царствовании Сюань-цзуна.

Нередко вышеописанные встречи **мужчины и девы-гуй** приводят к тому, что они **довольно долгое время живут как супруги**. Придя к мужчине в облике очаровательной, легко доступной женщины, дева-гуй не прерывает эти свидания, а остается на достаточно долгий (определенный Небом) срок. Мужчина часто сначала и не подозревает, с кем свела его судьба, полностью захваченный прелестью новой возлюбленной, а когда узнает — чаще всего пытается отделаться от нее или даже уничтожить. Так было, например, с неким Чжуном. Приятель его заметил, что с некоторого времени Чжун переменялся и стал какой-то странный. Приятель стал расспрашивать его, и Чжун признался, что вступил в связь с красавицей, да такой, что подобную трудно где сыскать. Друг ему ответил, что это наверняка гуй, и посоветовал убить деву. Последовав совету друга, Чжун при встрече нанес деве рану, а наутро по следу крови дошел до могилы и в ней обнаружил тело своей возлюбленной¹⁴⁸. Однако бывают и другие случаи, когда мужчина, узнав, с кем живет, не отворачивается от девы-гуй. К *тайшоу* (начальнику области) Ли Чжун-вэну дева-гуй сначала явилась во сне и призналась, что умерла, и Ли не выказал ей своего отвращения (хотя девы-гуй, как правило, говорят, что этого очень опасаются), а, встретив наяву, стал жить с ней как с женой¹⁴⁹. Желание избавиться от подобной возлюбленной, впрочем, вполне объяснимо, если учесть существовавшее представление о том, что **дева-гуй, вступая в**

¹⁴⁶ Нередко такого же рода беседы с воспоминаниями бывают и между человеком и душой умершего мужчины. См., например, новеллу "История Цзян Дао" из сборника Лю Фу (Лю Фу. Указ. соч., с. 231-233).

¹⁴⁷ Лю Фу. Указ. соч., с. 63-67.

¹⁴⁸ ТПГЦ, 317.9. Случай, когда душа умершего мужчины живет с живой женщиной, единичны. См., например, рассказ "Госпожа Мэн" (ТПГЦ, 345.9), где описывается, как к жене одного купца во время его отсутствия приходит душа умершего юноши и склоняет к любви. Такое сожительство продолжается целый год, до возвращения мужа.

¹⁴⁹ ТПГЦ, 319.1

сексуальные отношения с живым мужчиной, несет этим ему болезни и смерть. В рассказе "Ли Тао"¹⁵⁰ к главному герою ночью явилась такая красавица. "Тао понял, что это душа умершей и сначала с ней не разговаривал. Девушка потупилась и пошла прочь"¹⁵¹. Тогда Тао пристыдила служанка, и он, возжелав красавицу, стал с ней разговаривать и даже заигрывать. Кончилось все блудом. Потом дева сказала, что у них с Тао — старая связь (*цзю юань*). Они прожили вместе более десяти дней, когда мать Тао, узнав об этом, вызвала его для разговора и стала бранить. Тао сперва отказывался порвать с девой, но потом заболел и слег. Интересно, что дева-гуй его не бросила, но проявила о Тао трогательную заботу, поила его лекарственными отварами и вообще ухаживала, как жена. Вскоре она ушла — срок связи вышел.

Тема "старой связи" весьма распространена в ТПГЦ и вообще прозе *сяошо*. Души умерших женщин часто ссылаются на эту старую связь, которая якобы есть и была у них именно с этим человеком еще по прошлой жизни, при прошлом рождении. Однако часто девой-гуй движет не просто интерес к талантам человека или старая связь, но и просто неутоленная при жизни страсть. Это также приводит как к случаям отдельных контактов, так и к длительному сожительству. Такой случай описан, например, в рассказе "Ван Чжи"¹⁵², где не успевшая при жизни выйти замуж красавица после смерти является ночью к проезжему студенту, и они живут как супруги целый месяц. На прощание дева дарит студенту бронзовое зеркало, и именно из-за этого зеркала и раскрывается вся история¹⁵³. Иногда на такие же поступки толкает неудовлетворенность и души бывших при жизни замужем женщин. Так было с покойной женой одного человека, вступившей в связь с начальником уезда во время отсутствия мужа на родине. Когда супруг вернулся, умершая ушла от начальника, и тот, случайно встретившись с ее мужем, показал невзначай подарок возлюбленной

¹⁵⁰ ТПГЦ, 333.8

¹⁵¹ ТПГЦ, с. 2647

¹⁵² ТПГЦ, 328.12

¹⁵³ И это, кстати, частый мотив. Умершая часто дарит, как было сказано, возлюбленному разные вещи или забывает у него что-либо. Но поскольку она располагает только тем, что положили с нею в гроб (а это, как правило, драгоценности или предметы жизненной необходимости), то дарит именно эти вещи, что происходит, чаще всего, пока гроб стоит непогребенный. Родственники, обнаружив отсутствие подаренной вещи в гробу, начинают поиски — в случае с Ван Чжи дело было именно так, у него нашли это самое бронзовое зеркало и обвинили в воровстве. Чтобы оправдаться, Вану пришлось обо всем рассказать. А в истории о Ли Чжун-вэне их связь с девой раскрывается из-за забытой туфельки покойной.

(серебряную чашу). Муж узнал эту чашу, потому что сам клал ее в гроб покойной жены¹⁵⁴.

Интересно, что **за измену душа умершей имеет обыкновение мстить своему партнеру**. Так, Ян Бэй, сойдясь с умершей, долго болел, а потом, когда дева-гуи ушла от него, внял уговорам старшего брата и женился. Через год после этого умершая внезапно вернулась и стала ругать Яна. Вскоре после этого он заболел и умер¹⁵⁵.

9

Другая группа рассказов, связанная со встречей человека и души умершего, охватывает отношения между мужчиной и душой умершего мужчины. И если душой умершей женщины в первую очередь движет желание вступить в сексуальную связь, то **душой умершего мужчины руководит интерес к талантам живого, преклонение перед его искусством и знаниями**, и именно это в первую очередь становится причиной для встречи. Часто бывает так, что душа умершего также предоставляет путнику ночлег.

Душа умершего может сама пригласить путника в свой дом. Увлекавшийся в юности даосизмом Вэй решительно не верил ни в каких духов. Как-то вечером ему случилось в горах попасть в снежную бурю, да в такую сильную, что идти дальше Вэй не мог. Тут вдруг появился даос и пригласил Вэя к себе домой переждать бурю, переночевать да побеседовать о том и о сем. Придя на место, они вошли в дом, сели у очага и, попивая вино и закусывая, стали вести беседы о даосском учении. Потом хозяин перевел разговор на души умерших, и Вэй решительно возразил, что их не существует и говорить тут не о чем. "Да ведь то, что вы превозносите — Дао — Путь бессмертных, — отвечал даос. — Зачем же вы с такой решительностью возводите напраслину на души умерших? Ведь они существуют с тех пор, как появились Небо и Земля! Если ваше Дао высоко, то души умерших и духи не посмеют чинить вам вред, а если Дао пока еще не достигло высоты — тогда они вредят!"¹⁵⁶ Вэй ему не поверил, но когда утром распрощался, пошел прочь и оглянулся, отойдя немного — увидел вместо дома лишь могильный холм! С тех пор он поверил в духов.

¹⁵⁴ ТПГЦ, 335.7

¹⁵⁵ ТПГЦ, 334.

¹⁵⁶ ТПГЦ, 327, с. 2599

Приведу еще один весьма показательный разговор между путником и приютившим его стариком (*гуй*). "О душах умерших и духах людям знать не дано. Как же люди могут причинить им вред? Да и души умерших и духи никогда без причины не будут вредить человеку. А те, кто наносит вред — вредоносные *гуй* (э *гуй*), они — сродни разбойникам мира людей. Но если [слух] о том, что такая душа причинила зло человеку, дойдет до светлого духа (*мин шэнь*), то этому (*гуй*) придется нелегко — также, как и преступившим закон разбойникам!"¹⁵⁷

Нередко душа умершего предоставляет неизвестному ей путнику ночлег в благодарность за хороший поступок кого-то другого; таким образом, благодарность *гуй* как бы распространяется на всех людей. Подобный случай описан в рассказе "Записки о Цунчжуне" из сборника Лю Фу¹⁵⁸, где некий книжник, застигнутый в пути ночью, находит приют в доме *гуй*, и тот с восторгом рассказывает ему о благородном поступке сунского министра Фу Би (1004-1053), захоронившего в своеобразных братских могилах останки всех тех, кто погиб от голода во время наводнения в годы Хуан-ю (1049-1054).

Следует отметить, что не все ночные встречи в домах умерших душ заканчиваются для человека благополучно. Например, торговец Чэнь, оказавшись вечером рядом с каким-то внушительного вида помещьем, заезжает туда в поисках ночлега и сталкивается с человеком страшной наружности. "Тут луна выплыла из-за туч, и он увидел, что лицо у того было совершенно черное, а в глазах нет зрачков"¹⁵⁹. Чэнь тут же бросился бежать и только этим спасся. Потом от одного старика он узнал, что в том месте обитает вредоносный *гуй*¹⁶⁰.

Душа умершего, подобно деве-*гуй*, может сама явиться к заинтересовавшему ее человеку: вечером некий Цзи Кан сел играть на цинь, как вдруг появился кто-то ростом более чем в *чжан* (т. е. выше

¹⁵⁷ ТПГЦ, с. 2776.

¹⁵⁸ Лю Фу. Указ. соч., с. 12

¹⁵⁹ ТПГЦ, 317.16, с. 2512

¹⁶⁰ А в рассказе "Ху Юнь-и" (ТПГЦ, 344.4) описывается такой, не лишенный интереса, случай. Ху Юнь-и вместе с женой направлялся к новому месту службы, и в пути его дочиста ограбили разбойники. Ограбленных пожалел и приютил какой-то старик, который оказался настолько любезен, что предложил Ху временно оставить жену у него, а самому добираться до места службы и вступать в должность, а уж потом вернуться за женой. Ху согласился и уехал один. Прибыв на место, он получил от жены письмо, где она сообщала, что без него уже проплакала все глаза, а также и то, что нашла утешение с каким-то юношей, также живущим у старика. Ху, вне себя от гнева, тут же бросился назад, пылая желанием отомстить коварному старику и ветреной жене, но нашел на том месте лишь могилу, а в ней, когда раскопал, обнаружил и тело мертвой уже супруги.

трех метров) и задул лампу, когда Цзи попытался его рассмотреть. "Сам я жил здесь раньше и погиб тут же. Услышал, как вы, сударь, играете — мелодия чистая и мягкая, не похожа на те, что были в древности... Вот я и пришел послушать"¹⁶¹. Всю ночь Цзи и его гость провели в разговорах. Часто в таких случаях гуй сам преподает живому несколько уроков игры на музыкальном инструменте, приглашает вместе слагать стихи на заданные рифмы¹⁶².

Причиной, повлекшей за собой визит гуй, может стать и какое-нибудь качество, которым человек славится — поэтический талант, почтение к родителям, гостеприимство. Цзиньши¹⁶³ Лу был известен своим поэтическим даром, кроме того был богат и очень гостеприимен. И вот, однажды вечером, к нему явился человек, с виду очень внушительный. "Я слышал, вы сочиняете превосходные стихи. Вот и пришел"¹⁶⁴. Выяснилось, что это Шэнь Юэ¹⁶⁵. Лу стал угощать его вином и вообще проявил полное радушие. В компании еще с одним гуй они втроем веселились всю ночь и слагали стихи, а распрощались только утром. "В этих местах менее чем через два года солдаты поднимут мятеж", — предупредил Шэнь Юэ перед уходом. Так и случилось. Иногда души умерших предсказывают не только грядущие бедствия, но и срок жизни человека¹⁶⁶.

Впрочем, чаще всего человек встречает такие души умерших не у себя дома, а в каких-то других местах, расположенных неподалеку от захоронений — останавливаясь на ночь в одиноко стоящей почтовой станции или в гостинице, стоящей на отшибе. Цзиньши Цзу Цзя со слугой остановился на ночь в пустующем буддийском монастыре. Взошла такая красивая луна, что Цзу вместо того, чтобы спать, стал расхаживать по двору взад и вперед и любоваться ею. Тут же появился какой-то человек и заговорил с ним. Они уселись вместе на циновку и повели беседу о классических сочинениях и канонических

¹⁶¹ ТПГЦ, 317.11, с. 2510

¹⁶² ТПГЦ, 324,4, ТПГЦ, 349.5

¹⁶³ Высшая ученая степень в системе государственных экзаменов.

¹⁶⁴ ТПГЦ, 343.1, с. 2717

¹⁶⁵ Шэнь Юэ (441-513), известный литератор времен Лян, теоретик поэтики, поэт и большой эрудит, автор большого числа произведений в самых разных областях человеческого знания.

¹⁶⁶ ТПГЦ, 336.1 и др.

текстах, читали вслух стихи. Утром гость ушел, а позднее Цзу узнал, что это был *гуй*¹⁶⁷.

10

Отдельно следует упомянуть о встречах людей с посыльными из царства мертвых (в функции которых, как было сказано, иногда выступают возвращающиеся домой родственники). Встреча с такими посланцами чаще всего происходит на почве того, что *гуй*, придя в мир людей для того, чтобы препроводить в иной мир души тех, кто должен умереть и следуя по "казенным" делам в определенное место, **просит человека подвезти его на лодке (телеге и т. п.)** не раскрывая ему своей истинной сущности. Непременным атрибутом чиновника из загробного мира следует назвать книгу (свиток), куда занесены имена всех тех, кто должен умереть¹⁶⁸. Чжоу Ши встретил в дороге некоего чиновника (с виду) с книгой под мышкой, который попросился к Ши в лодку. Ши пустил его. Через десять *ли* пути¹⁶⁹ чиновник попросил остановиться ненадолго у какого-то поселка. "Оставляю в вашей, сударь, лодке свою книгу. Только ни в коем случае не открывайте ее", — сказал чиновник и ушел¹⁷⁰. Ши, конечно, тут же полез смотреть, что это за книга, и оказалось — список назначенных к смерти. В конце стояло и его, Ши, имя. Придя в ужас, Ши обратился к вернувшемуся чиновнику с мольбой, и тот, посетовав, что Ши его ослушался, сказал: "Сегодня же возвращайтесь домой и три года не смейте выходить за ворота, тогда еще смерти можно избежать". Ши так и сделал. Два года он безвылазно просидел дома, но потом отец послал его на похороны соседа, и Ши уж никак не мог отказаться. Выйдя за ворота, он тут же увидел того чиновника с книгой. Чиновник сказал, что уже ничего не поделаешь, и дал ему три дня, чтобы закончить все дела. Через три дня Ши умер. А в рассказе "Чжан Шоу"¹⁷¹ главный герой подвозит посланца с книгой, в которой, как выясняется, записаны

¹⁶⁷ ТПГЦ, 344.8

¹⁶⁸ Там содержится информация такого рода: "В такой-то день прибыть в такое-то село и забрать такого-то" (ТПГЦ, с. 2688).

¹⁶⁹ Т. е. около шести километров.

¹⁷⁰ ТПГЦ, 316.11, с. 2504 Отлучки посланца за душами на берег (или, если он едет на телеге, то — с телеги) в деревню продолжаются недолго, и вскоре из деревни начинается скорбный плач (ТПГЦ, 339.1).

¹⁷¹ ТПГЦ, 323.17

имена тех жителей области, которым назначено умереть от мора. "В этом году будет много больных. Но в ваш дом, господин, болезнь не придет", — в благодарность за помощь сообщает Чжану посланец¹⁷². Интересно, что в разговоре посланец упоминает и о других чиновниках, с аналогичными списками посланных в другие области¹⁷³.

Иногда посланцы ошибаются и забирают не ту душу, какая указана в списке — то ли по недостаточной грамотности, то ли по невнимательности. Так, в рассказе "Тан Бан" за главным героем приходят двое в красных одеждах и ведут за собой к огромной могиле. "Ведь сказано было схватить Тан Фу, зачем же схватили Тан Бана?!" — ругает их начальник¹⁷⁴. Тан Бан ожил, а живший неподалеку Тан Фу — умер¹⁷⁵. А за монахом Хуэй-цзинем погнался какой-то великан и, увидев, как тот отчаянно сопротивляется, решил уточнить, того ли хватает. Спросил как зовут. "Фамилия совпадает, а имя — нет!" — сказал великан, когда Хуэй-цзинь ответил, и исчез¹⁷⁶.

11

Принесение жертв духу умершего незнакомца, захоронение тела неизвестного умершего, перезахоронение неудачно погребенного тела (останков), погребение брошенных без захоронения костей — все эти поступки влекут за собой безусловную благодарность душ умерших, которым принадлежат указанные останки. Впрочем, как кажется, человек, перезахороняющий кости или же приносящий жертвы неизвестному ему духу, обычно не преследует своими действиями каких-либо корыстных целей, на благодарность не рассчитывает, а поступает, следуя побуждению души.

В коридоре своего дома Хуань Гун обнаружил какую-то яму, каковая при тщательном рассмотрении оказалась могилой. "И каждый

¹⁷² ТПГЦ, с. 2566

¹⁷³ "Я не человек. Меня послали из загробного управления [забрать] по списку пять сотен человек" (ТПГЦ, с. 2737).

¹⁷⁴ ТПГЦ, 322,1, с. 2554

¹⁷⁵ Ср. случай с неким Цзя Оу (третий рассказ из пятнадцатой цзюани сборника Гань Бао), второе имя которого было Вэнь-хэ. Он заболел и умер. Душу его доставили к управляющему делами на горе Тайшань, и управляющий сказал посольному: "Ты должен был выпребовать Вэнь-хэ из такого-то округа, а с этим человеком мне делать нечего. Можешь отослать его обратно" (цит. по кн.: Пурпурная яшма..., с. 171).

¹⁷⁶ ТПГЦ, 354.11, с. 2805. см.: ТПГЦ, 346.3, и др.

раз во время трапезы Гун сначала ставил еду перед могилой. Так прошел год"¹⁷⁷. Вдруг появился некто и сказал, что это — его могила, а умер он уже более семисот лет назад, и все потомки его тоже умерли, так что ухаживать за могилой некому, вот она и пришла в такое состояние. "Тронутый вашей добродетелью, сударь, я в благодарность сделаю вас начальником области Нинчжоу", — сказал пришелец. Однажды некий Сюй на своем поле обнаружил чью-то могилу и тоже стал делиться едой с душой умершего, громко крича: "Эй, полевая душа умершего! Иди, ешь мою еду!"¹⁷⁸. В рассказе "Фан Сюань-лин" герои после принесения жертв могиле неизвестного гуй, слышат такой любопытный диалог между душами умерших. Одна снаружи окликает другую: "Эй, в двадцати ли на восток отсюда один селянин устраивает пир для духов. Там будет очень много вина и закусок (имеется в виду жертвоприношение. — И. А.). Ты идешь или нет?" — "Я уже напился допьяна и наелся мяса, да к тому же выполняю службу. Не могу! Спасибо, что потрудились позвать меня!" — "Да ведь ты вечно голоден, откуда же взял мясо и вино? И ты не чиновник, что же у тебя может быть за служба?! Зачем обманываешь?!" — "Начальник области приставил меня к двум министрам, так они милостиво одарили меня мясом и вином, потому я и не могу идти"¹⁷⁹.

Особенно часто встречается в прозе *сяошо* мотив захоронения брошенных костей. Человек, зная, что без захоронения по всем правилам душа умершего не может обрести успокоения, часто хоронит кости сам, без просьбы со стороны духа, но нередко делает это и по его просьбе. В сборнике Лю Фу "Высокие суждения у дворцовых ворот" мотив погребения брошенных костей является одним из главных во взаимоотношениях человека с душой умершего. В рассказе "Записки о погребенных костях" описан случай, как к больному чиновнику Вэю явилась душа убиенной девушки: "Я — Се Хун-лянь, когда-то была наложницей одного человека, но мне не посчастливилось: хозяйка дома убила меня, а кости бросила здесь, и я

¹⁷⁷ ТПГЦ, 322,5, с. 2552 Этот же рассказ в незначительно переработанном виде и с указанием того же источника есть в 320-ой цзюани ТПГЦ.

¹⁷⁸ ТПГЦ, 320,78, с. 2537

¹⁷⁹ ТПГЦ, 327,13. Случайно подслушанные разговоры, которые ведут между собой души умерших, могут быть на самые разные темы, и живые часто могут извлечь из них немалую пользу для себя, если сумеют правильно распорядиться полученной информацией. Вот какой диалог состоялся по поводу рождения ребенка в одном доме: "Ну, видел ребенка? Как его будут звать? Сколько лет проживет?" — "Мальчик! Будут звать А-ну, проживет пятнадцать лет" — "А от чего умрет?" — "Будет по найму строить дом, сорвется и убьется насмерть" (ТПГЦ, с. 2502). Подслушавший этот разговор не очень-то поверил, однако через пятнадцать лет все вышло именно так, как предсказывали души умерших.

не могу получить перерождения! Вы, господин, оказались здесь проездом, и я решила непременно явиться к вам! Пожалуйста, подумайте, куда можно перевезти мои останки для захоронения"¹⁸⁰. Вэй выполнил ее просьбу. Этот рассказ типичен¹⁸¹.

Душе умершего (умершей) не чужды не только чувство благодарности, но и мести. За помощь же *гуй*, как правило, благодарит разными доступными ему способами. Военачальник Ши, не очень-то веривший в духов, поселился в "нехорошем" доме. Однажды вечером к Ши вошел некто в очень внушительной одежде и сказал: "Я — ханьский полководец Фань Куай, и могила моя находится неподалеку от уборной вашего, сударь, дома. Из-за этого я очень страдаю. Если бы вы перенесли мою могилу в другое место, я бы щедро вас отблагодарил"¹⁸². Ши ответил согласием и перезахоронил кости полководца. Рассказ заканчивается так: "Когда впоследствии Ши стал полководцем в Суй, то духи-воины помогали ему каждый раз, когда он сталкивался с разбойниками, и сражения заканчивались крупными победами".

А за приносимый могиле вред душа умершего мстит — так, когда разбойники раскопали могилу некого Вана и разграбили ее, душа покойного явилась им и угостила вином, от которого на губах у разбойников остались несмываемые, как от туши, следы. Потом эта примета была сообщена стражникам, и все разбойники благополучно были схвачены¹⁸³. Те, кто использует доски от развалившегося гроба для своих хозяйственных нужд, — гибнут¹⁸⁴, душа умершего наказывает даже того человека, который случайно повредил ее могиле и постарался исправить свою оплошность¹⁸⁵, и т. д.

Мстит душа умершего и за неверие в ее существование, и поэтому результат неверия в *гуй* часто плачевен. Впрочем, душа умершего сначала может прийти к "упорствующему в неверии" человеку и

¹⁸⁰ Лю Фу. Указ. соч., с. 11.

¹⁸¹ В том же сборнике Лю Фу есть рассказ "Записки о ланчжуне Пэне", где приводятся слова духа очага (*цзао шэнь*): "В моей области неприкаянные души умерших (*у чжу чжи гуй*) часто страдают от голода и холода. Если вы, господин, сочтете возможным весной и осенью поблизости от воды приносить им в жертву побольше мяса и вина, то это будет немалая ваша заслуга перед ними! А если вы еще выберете землю для захоронения брошенных костей, то духи очень щедро отблагодарят вас за это" (см.: Лю Фу. Указ. соч., с. 13).

¹⁸² ТПГЦ, 32.12, с. 2598

¹⁸³ ТПГЦ, 317.5

¹⁸⁴ ТПГЦ, 320.8

¹⁸⁵ ТПГЦ, 323.19

попытаться его переубедить, доказать, что он неправ. Начальник уезда Цзун Дай выступал против жертвоприношений и утверждал, что души умерших не существуют, и никто не мог поколебать этой его уверенности. Однажды к Даю пришел весьма бедно одетый книжник и долго с ним толковал об этом, доказывая обратное, но Дай упорно стоял на своем. Тогда книжник в гневе признался, что сам — *гуй*, и пропал, а Дай на другой день умер¹⁸⁶. К другому неверующему *гуй* явился под видом гостя и, сделав странное лицо (*и сэ*), сказал: "Все совершенно-мудрые издревле и доньше передают истории о душах умерших и душах, один вы не верите!" — и принял свой истинный облик¹⁸⁷. Проболел год после этого случая, неверующий тоже умер. А герой другого рассказа, Чжан Си-ван, когда к нему явился *гуй* с просьбой о перезахоронении, рассмеялся ему прямо в лицо и заявил: "Да я даже когда маленький был, и то ни во что подобное не верил!" — и решительно отказал. Через месяц душа умершего убила его из лука¹⁸⁸.

Душа умершей девушки мстит за нанесенную ей при жизни обиду. В сборнике Лю Фу этому мотиву посвящен целый ряд рассказов. Так, Ли Юнь-нян, обманутая и убитая прохожей Цзе Пу (он столкнул ее в воду, и Ли утонула) явилась к Пу в дом именно с целью отомстить: "Я все вам отдала, чтобы помочь! Но вы не пошли по пути добродетели! Да еще при помощи тайной хитрости лишили меня жизни! Теперь ясно, что вы — негуманный человек! Но я уже добилась того, чтобы вы получили по заслугам!" Пу вскоре утонул¹⁸⁹. Аналогичная история описывается в рассказе "Чэнь Шу-вэнь" того же сборника. Душа соблазненной и утопленной Чэнем девушки приходит к нему, заманивает в пустой дом, и потом в этом доме Чэня находят мертвым: он "лежал навзничь с руками, связанными за спиной, и вид у него был, как у только что казненного человека"¹⁹⁰.

12

Таким образом, в обыденном сознании китайцев, живших при Сун, главной и характерной особенностью души умершего считалась

¹⁸⁶ ТПГЦ, 317.7

¹⁸⁷ ТПГЦ, 319.5, с. 2526

¹⁸⁸ ТПГЦ, 329.2

¹⁸⁹ Лю Фу. Указ. соч., с. 139.

¹⁹⁰ Лю Фу. Указ. соч., с. 140-142.

самая ее способность к возвращению — наяву и во сне, в видимом глазу облике и в облике невидимом; это возвращение в мир людей, в родные места, домой, или к родственникам и друзьям. При этом, возвращаясь к людям в зримой форме, душа умершего сохраняет свой прижизненный облик, носит одежду, ест пищу.

Возвращение души умершего обусловлено двумя важнейшими причинами, это либо состояние домашних дел (беспокойство за судьбу и здоровье родственников, стремление помочь им и наставить их, беспокойство за состояние своего имущества, стремление навести порядок и наказать неправого, и т. д.), либо состояние захоронения собственного тела (возвращается, чтобы просить о захоронении, если тело по тем или иным причинам вообще не было похоронено, или о перезахоронении, если таковое совершено в неудачное время и в несчастливом месте; просит починить разрушенную или поврежденную могилу, принести жертвы и т. д.)¹⁹¹. Представления, связанные с возвращением души умершего домой или к знакомым, встречаются в более ранних памятниках чаще. Скорее всего, они, будучи связаны непосредственно с культом предков, являются более древними, нежели представления о душе умершего, вступающей в контакт с незнакомыми людьми¹⁹². Более древними одновременно следует считать представления о том, что контакт с душой умершего приносит человеку в первую очередь зло, и что душа умершего является, главным образом, для того, чтобы отомстить за зло, причиненное ей, и наказать на несоблюдение определенных правил, обязательных для живых в отношении мертвых.

Особняком стоит группа мотивов, связанных с любовными отношениями между живым мужчиной и умершей женщиной, в которых душа умершей вовсе не играет злой роли. Возможно, именно здесь культуруобразующая интенция сунских книжников проявляется значительнее всего¹⁹³. К сунскому времени образы злобных, вредо-

¹⁹¹ Ср. "Мертвые являются к живым для того, чтобы попрощаться или обсудить с ними свои домашние дела; для того, чтобы насладиться сексуальными удовольствиями семейной жизни; для того, чтобы удовлетворить любопытство родни и рассказать о приключениях, судьбе и том что есть в ином мире; для того, чтобы объяснить родным, что они должны делать для облегчения страданий души и улучшения ее существования" (В. Вундт. Миф и религия. Б/м, б/г, с. 227).

¹⁹² Представления о вредоносности мертвых характерны для любой традиционной культуры, они наиболее фольклорны. "В ходячем образе мертвеца, как он выработался в народном воображении, прежде всего бросается в глаза черта кровожадности, налагающая мрачный колорит на всю эту область народной веры". См.: В. Клингер. Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1911, с. 28.

носных *гуй* в прозе *сяошо* уступают место душам умерших, не несущим зло без разбора, самим фактом своего появления. И в данном случае речь, по-видимому, должна идти о развитии и формировании книжного, письменного варианта низшей китайской мифологии, который, генетически восходя к устным фольклорным истокам, все же, мало-помалу отделялся от них — и в первую очередь, стеной китайской грамоты.

Итак, если возвращающегося домой *гуй* волнуют домашние дела, то души умерших, входящие в контакт с незнакомыми им при жизни людьми, озабочены, в первую очередь, состоянием своего захоронения. Душою умершего мужчины может руководить также интерес или даже преклонение перед талантами и добродетелями живого. Человек, обладающий высокими моральными качествами и достигший прогресса в продвижении по пути добродетели, защищен от души умершего, пришедшей со злой целью; перед ним *гуй* отступает. Душа умершего пользуется возможностью общения с таким человеком, потчует его вином, беседует с ним на возвышенные темы, ища знаний, часто сама является к такому человеку со всей почтительностью. Умершие с удовольствием берут такого человека в свою компанию для сочинения стихотворных экспромтов на заданные рифмы и за полученное удовольствие благодарят его, чем могут.

Так и душу умершей женщины могут привлекать таланты и добродетели живого, но главный интерес, влекущий ее — желание вступить в любовную связь, как кратковременную, так и длительную. Такая связь может прерваться, но через определенное время возобновиться вновь. Душа умершей девы стремится к половым отношениям с человеком не совсем по своей воле: ее толкает к этому не только осознанный расчет, но, прежде всего, природа темной стихии. Душа умершей женщины обладает способностью пить мужскую жизненную энергию, содержащую светлое начало (*ян*), и в результате может умножить свои волшебные свойства, обрести более устойчивую человеческую форму, из чего и проистекает стремление к любовным контактам. В результате живой начинает чувствовать недомогание, длительное же сожителство может привести к серьезной болезни (от истощения жизненной энергии) и даже к смерти. Осознав (сам или с чужой помощью), в чем причина упадка сил, мужчина часто порывает (или пытается порвать) подобные отношения и тем спасается, но бы-

193 Ср. аналогичное смещение акцента во взаимоотношениях мужчины с девой-оборотнем в сторону определенной идеализации последней. Подробнее: И. А. Алимов. Китайский культ лисы и "Удивительная встреча в Западном Шу" Ли Сянь-миня. — "Петербургское востоковедение". Вып. 3. СПб., 1993.

вает, что он не в силах этого сделать, плененный красотой своей возлюбленной. Да и души умерших, вступив в связь, начинают испытывать к своим партнерам определенные чувства, которые проявляются вполне по-человечески: они дарят возлюбленным подарки, пишут им стихи, смеются от радости и плачут от горя; поэтому большинство из них приходит в ужас от того, что возлюбленный, по их милости, начинает чахнуть и увядать на глазах. Однако прекратить этот процесс можно только одним способом — расставшись (да и то, если сделать это вовремя), поскольку потеря энергии происходит вместе с каждым половым актом вне зависимости, хочет ли того дева-гуй или нет. Она не в состоянии контролировать этот процесс.

Поэтому девы-гуй часто сами оставляют своих возлюбленных или даже лечат. Они пытаются объяснить, что, являясь порождением стихии инь, неизбежно наносят вред всему живому. Кроме того, по законам загробного мира это наказуемо, и нередко не желавшая ничего дурного душа умершей оказывается наказанной за тот вред, какой она невольно причинила человеку.

13

Рассмотренный материал ставит перед исследователем ряд важнейших вопросов, требующих дальнейшего изучения. Среди них одно из главных мест занимает проблема типологических отличий китайских представлений о сверхъестественном и удивительном от соответствующих русских и европейских представлений¹⁹⁴. Но уже в этой работе можно сформулировать главную особенность, присущую китайским представлениям о душе умершего. Это — синкретичность, выражающаяся, в первую очередь, в переводе китайского слова-понятия гуй на русский язык¹⁹⁵. В зависимости от контекста, в русском переводе

¹⁹⁴ Нельзя сказать, что русские представления о сверхъестественном исследованы достаточно. Уровень изучения этой области определяется, в основном, работами дореволюционными: Ф. И. Буслаев. Бес. — Мои досуги. М., 1886, т. 2, с. 1-23; Ф. А. Язиковский. Демонология в древнерусской литературе. М., 1915; С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб, 1903; А. Н. Соболев. Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913; Д. К. Зеленин. Очерки русской мифологии, вып.1: Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916. Попытки изучения этой сложной темы в дальнейшем были редки и разрозненны: Э. В. Померанцева. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975; О. А. Черепанова. Мифологическая лексика русского Севера. М., 1983, и др. Можно сказать, что в советской науке эти проблемы только ставятся, но ни в коем случае не решены.

это будет "черт", "бес", "демон", "злой дух", просто "дух", "привидение", "нечисть", "оборотень" и т. д.¹⁹⁶. Функции *гуй* много шире функций каждого отдельно взятого персонажа, а само понятие *гуй* не перекрывается ни одним из предложенных переводных эквивалентов. Выполняемые *гуй* функции в русской и западной традициях распределяются между более, так сказать, узко специализированными персонажами сверхъестественного мира, и поэтому есть все основания говорить о синкретичности китайских представлений о душе умершего.

В свою очередь, подобная синкретичность также должна быть удовлетворительно объяснена, и это вторая, не менее важная, проблема, возникающая перед исследователем. Предложив вниманию читателя краткий очерк китайских представлений о "жизни после смерти", я надеюсь вызвать интерес у ученых, занимающихся изучением аналогичных материалов в других культурах, рассчитывая на плодотворность совместных изысканий.

SUMMARY

I. A. Alimov. "Life after death" in Old China's narrative.

The article is based on the part named "gui" 鬼 of the "Tai-ping guang ji", well-known collectanea of the traditional Chinese narrative stories *wenyan xiaoshuo* which compilation was directed by Li Fang (925—996). The author described traditional Chinese ideas of "life after death" and dead soul *gui* contained in materials of "Tai-ping guang ji", adduced main motives connected with dead soul.

¹⁹⁵ Эта синкретичность является отражением функциональной неразделенности. Однако внешне *гуй* различны, на материале ТПГЦ можно выделить три более или менее устойчивые группы. Первая: души умерших, являющиеся в человеческом облике (великаном или карликом), но с каким-либо необычным свойством: черты лица, хвост, лапы тигра и пр. Вторая: души, являющиеся в звероподобном облике, иногда с элементами человеческого тела. Третья — души умерших, являющиеся в нормальном человеческом облике. Душам умерших женщин свойственна, как правило, неземная красота. В китайском тексте в подавляющем числе случаев эти герои обозначаются иероглифом *гуй*, в русской же традиции филиация этих обозначений значительно разнообразнее.

¹⁹⁶ Тема оборотничества в русской и китайской традициях заслуживает отдельного большого исследования. Следует помнить, что в русской традиции оборотень — "человек, колдовством обращенный в животное или предмет, нечистая сила, принявшая облик крого-то, чего-то" (Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., 1959, т. 8, с. 339), "человек, обращенный ведуним или ведьмой, или сам, как кудесник, перекидывающийся в волка и других животных, иногда в куст, камень" (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб, 1981, т. 1, с. 611), тогда как в китайской традиции оборотень — животное (особенно лиса), душа умершего, старый предмет. См.: И. А. Алимов. Феномен оборотничества в китайской традиции. — XX-ая научная конференция "Общество и государство в Китае". М., 1988, т. 2, с. 250-252.